

В А Л Е Р И Й
ГАЗЗАЕВ

ПУТЬ ВОИНА

Тренер-победитель
о секретах
успеха

Алексей Зинин

**Путь воина. Тренер-
победитель о секретах успеха**

«ЭКСМО»

2016

УДК 796.332(470)
ББК 75.578

Зинин А. Н.

Путь воина. Тренер-победитель о секретах успеха /
А. Н. Зинин — «Эксмо», 2016

Самый именитый тренер в истории российского футбола предельно откровенно рассказывает о невидимых постороннему глазу особенностях своей работы. Валерий Газзаев, раскрывая причины громких побед и болезненных поражений, надеется, что его опыт поможет людям достигнуть поставленных целей. Валерий Газзаев рассказывает о специфике работы с такими футболистами, как Игорь Акинфеев, Василий Березуцкий, Алан Дзагоев, Вагнер Лав, Ивица Олич, Роман Еременко, Павел Мамаев; об особенностях делового сотрудничества с Евгением Гинером, Игорем Суркисом, Николаем Толстых, Вячеславом Колосковым. В своих размышлениях Валерий Газзаев, официально признанный УЕФА лучшим тренером Европы-2005, находит сильные стороны в работе своих коллег Хосепа Гвардиолы, Жозе Моуринью, Диего Симеоне, Алекса Фергюсона, Арсена Венгера и объясняет, что же такое «тренерский ген».

УДК 796.332(470)
ББК 75.578

© Зинин А. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Газзаев Валерий Георгиевич	7
Вместо предисловия	10
Глава 1	13
Высказывания разных лет	17
Глава 2	18
Высказывания разных лет	23
Глава 3	26
Карьера игрока. Памятные даты. Версия журналистов	30
Высказывания разных лет	32
Самые памятные матчи Газзаева-игрока	34
Глава 4	36
Высказывания разных лет	41
Глава 5	43
Высказывания разных лет	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Газзаев

Путь воина. Тренер-победитель о секретах успеха

В соавторстве с Алексеем Зининым

Художественное оформление С. Ляха

В оформлении обложки используются фото из личного архива автора

Во внутреннем оформлении использованы фотографии из личного архива автора, С. Панкратьева, А. Зинина, а также: Александр Федоров / «СЭ»/ Фото ИТАР-ТАСС; Владимир Родионов, Владимир Федоренко / РИА Новости.

В книге использованы материалы, опубликованные в газетах «Спорт-экспресс» и «Советский спорт», еженедельнике «Футбол», подарочном издании журнала «Gazzaev», в рукописи Валерия Газзаева «Игра на всю жизнь», написанной при участии журналиста Павла Алешина в середине 1990-х годов.

Из этой книги вы не просто узнаете подробности биографии Валерия Газзаева легендарного футболиста и тренера. Она раскроет вам все секреты его успеха

«Спорт-экспресс»

«Спорт-Экспресс» – ведущее спортивное издание России, созданное Владимиром Кучиным в 1991 году. Современный «СЭ» – это ежедневная газета «Спорт-Экспресс», глянце-вые журналы-приложения, портал sport-express.ru, интернет-телевидение и мобильные приложения.

Главная же гордость «СЭ» – ее редакция, блистательные журналисты и обозреватели, лучшие спортивные перья России. Среди них и Алексей Зинин, который ведет в «Спорт-Экспрессе» ряд авторских рубрик.

В 2016 году «СЭ» исполняется 25 лет. Мы рады, что в качестве подарка к этой знаменательной для нас дате Алексей преподнес всем читателям интереснейшую книгу об одном из лучших тренеров в истории российского футбола. Кстати, Валерий Газзаев – постоянный читатель «СЭ»!

* * *

Я – это то, что живет в моем сердце.

Любовь. К родителям. К жене. К детям. К внукам. И даже к правнукам, которые еще не скоро появятся на свет.

Преданность. Родственникам. Близким. Другам – и тем, кто рядом по сей день, и тем, кого, к сожалению, уже нет.

Благодарность. Людям, у которых учился. Которые помогали стать сильнее. Которые давали шансы реализовать свои идеи.

Уважение. К коллегам, с которыми работал. К игрокам, с которыми побеждал.

Страсть. К футболу – любимому делу, ставшему для меня еще с детства понятием одушевленным.

Это еще и...

Боль. Неутрахающая, от того, что отец и оба моих родных брата так рано ушли и так многого не успел я им сказать.

Досада. От того, что некоторые матчи уже не переиграть и не выиграть. Не взять реванш за поражения, которые душат кошмарными воспоминаниями.

И конечно же, это...

Гордость. За то, что живу в стране, лучше которой нет и не будет, которая и есть сама Жизнь.

Без всего этого, без всех вас, не было бы меня.

Я хочу сказать вам огромное спасибо за то, что наполняете мое сердце. За то, что вы всегда со мной!

С любовью,
Преданностью,
Благодарностью,
Уважением,
Страстью,
Гордостью.

Ваш Валерий Газзаев

* * *

В самом начале хочу рассказать притчу.

Господь под видом простого путника подошел к одному каменщику:

– Что ты делаешь?

– Я таскаю камни, – ответил тот.

– Что делаешь ты? – спросил «путник» у второго каменщика.

– Я зарабатываю семье на кусок хлеба.

– Ну а что делаешь ты? – спросил он у третьего.

– Я строю храм.

– Вот ты-то мне и нужен, – сказал Господь и вдохнул в третьего каменщика силы.

Всегда очень важно осознавать, что тобой движет. Что ты хочешь и для чего. Я всю жизнь стремился «строить Храм».

Я никогда ничего не делал механически, не отбывал номер, не тратил времени понапрасну.

Футбол для меня – не способ заработка. Он моя религия, мой путь к себе. Моя истина, в которой я никогда не сомневался.

Я всегда своим детям говорю: «Живите, а не существовайте! Не предавайте свою мечту, свои цели! Дышите полной грудью и несите свою миссию на этой земле с достоинством. И тогда вы достигнете того, к чему стремитесь».

Того же желаю и вам!

Газзаев Валерий Георгиевич

Родился 7 августа 1954 года.

Мастер спорта международного класса, заслуженный тренер СССР, заслуженный тренер России.

В качестве главного тренера работал в командах: сборная России, Сборная России (мол.), ЦСКА (Москва), «Динамо» (Киев), «Динамо» (Москва), «Спартак-Алания» (Владикавказ).

В качестве функционера работал: в «Алании» (в должности президент клуба) и в Оргкомитете «Объединенной футбольной лиги» (в должности генерального директора).

Как игрок и тренер – **обладатель более 30 трофеев и наград.**

Достижения

Как игрок:

- Обладатель Кубка СССР: 1984
- Член клуба бомбардиров Григория Федотова (118 голов)
- Бронзовый призер Олимпийских игр: 1980
- Победитель молодежных чемпионатов Европы: 1976, 1980
- Финалист Кубка СССР: 1979
- Обладатель Кубка МССЖ: 1976

В чемпионатах СССР провел 283 матча, забил 89 голов

В Еврокубках – 11 матчей, 7 голов

В сборной СССР – 8 матчей, 4 гола

В Олимпийской сборной СССР – 11 матчей, 2 гола

Как тренер:

- Обладатель Кубка УЕФА (1): 2004/2005
- «Тренер года» по версии УЕФА (1): 2004/2005
- Чемпион России (4): 1995, 2003, 2005, 2006
- Серебряный призер чемпионата России (4): 1996, 2002, 2004, 2008
- Бронзовый призер чемпионата России (3): 1992, 1993, 2007
- Обладатель Кубка России (4): 2001/2002, 2004/2005, 2005/2006, 2007/2008
- Обладатель Суперкубка России (2): 2006, 2007
- Обладатель Суперкубка Украины: 2009
- Серебряный призер чемпионата Украины: 2009/2010
- Финалист Суперкубка Европы 2004/2005
- Титул «Лучший тренер России»: 1995, 2003, 2005, 2006
- Победитель турнира Первой Лиги чемпионата СССР: 1990
- Член Клуба элитных тренеров мира с 2005 года
- Лучший спортивный тренер России: 2005
- Вошел в число 100 лучших тренеров мира XXI века по версии Международной федерации футбольной истории и статистики (IFFHS)

Награды:

- Орден Почета (12 июня 2006) – *за большой вклад в развитие отечественного футбола и высокие спортивные достижения*
- Орден Дружбы (25 декабря 1995) – *за большой личный вклад в развитие отечественного футбола*

- Почетный знак (орден) «Спортивная слава России» I степени (редакция газеты «Комсомольская правда» и коллегия Олимпийского комитета России, май 2005) – *за выдающиеся заслуги в области спорта*
- Лауреат национальной премии «Россиянин года» (2004) – *в номинации «Гордость России»*
- Лауреат Международной премии Андрея Первозванного в номинации «За веру и верность»
- Также награжден орденами «Трудовая доблесть» и «Слава России», именным боевым оружием от министра обороны РФ, именной шашкой от председателя Счетной палаты РФ и т.д.

Зинин Алексей Николаевич

* * *

Родился 26 июня 1976 года.

Соавтор книги Валерия Газзаева.

Президент Агентства стратегического консалтинга и трансферных решений AZ Sport Universal, футбольный функционер; футбольный эксперт на телевидении и в печатных СМИ, стратегический консультант российских и европейских футбольных клубов.

Автор, соавтор и редактор книг со звездами спорта, автор популярного блога на Sport.ru «Разоблачение игры», ведущий авторской рубрики газеты «Спорт Экспресс» «Трансферная аналитика с Алексеем Зининым», один из основателей еженедельника «Советский спорт – футбол».

Преподаватель Высшей школы бизнеса RMA факультета «Менеджмент в игровых видах спорта», тренер личностного роста по работе с представителями спорта и бизнес-структур.

Разработчик аналитических и скаутинговых методик в индустрии футбола, разработчик программ и тренингов по личностному росту спортсменов.

В прошлом директор по развитию Российской футбольной премьер-лиги, исполнительный директор Агентства спортивного маркетинга «Бизнессистема», главный редактор еженедельника «Футбол.Хоккей», руководитель отдела российского футбола газеты «Советский спорт».

alexzinin@mail.ru

Вместо предисловия

Что за книга у нас получилась

В 1985 году перед началом очередного сезона в качестве нападающего московского «Динамо» я решил бросить курить: мне шел 31-й год и я искал для своего организма новые ресурсы. Если избавлюсь от никотиновой зависимости, думал я, обрету вторую молодость.

Но организм явно был не готов к таким потрясениям. Он ответил тем, что я стал стремительно поправляться. В итоге мой вес увеличился на шесть-семь килограмм. Глядя в зеркало, я напоминал себе курортника, не вылезавшего из буфета. Страшнее всего было то, что под бременем дополнительного груза стали вылезать микротравмы, а резкость, на которой во многом и строилась моя игра, исчезла. Мне не хватало скорости, страдал дриблинг, и все это било по моей результативности. За первый круг того чемпионата я забил всего один мяч и был недалеко от нервного срыва.

И вот Сан Саныч Севидов, главный тренер «Динамо», как-то на выезде перед очередным матчем позвал меня на разговор: Валера, что с тобой происходит?

А у меня нервы, как струны, того гляди, лопнут. Я тогда был очень эмоциональным, неудачи не переносил, плохой игры себе не прощал. Ни с кем не был готов говорить о своем фиаско, но Сан Саныча я ценил и уважал. Рассказал ему о наболевшем.

Он послушал меня и говорит... тренер (!) капитану своей команды (!!): в советское время (!!!): Валера, не валяй дурака, начинай курить.

Ну я прямо перед игрой в раздевалке выкурил сигарету и прорвало меня. Во втором круге вновь стал Газзаевым.

Сейчас я, кстати, не курю. И будь возможность вернуться на много десятилетий назад, не стал бы даже пробовать.

А рассказал я этот крохотный эпизод к тому, чтобы у читателя было понимание, насколько футбол – тонкий вид спорта. Любая мелочь способна оказать влияние на игру отдельного исполнителя, а следовательно, и на результаты всей команды.

Знаете, каждый публичный человек «функционирует» в двух режимах. В прессе, на телевидении, на пресс-конференциях мы стараемся говорить так, как принято – то есть избегать острых углов, не раскрывать детали, обходиться общими фразами. Свои интервью мы визируем, нередко вычеркивая из них эмоциональные высказывания.

Мы не пытаемся понравиться, но мы пытаемся защитить свой внутренний мир от посторонних.

Настоящие же мы тогда, когда оказываемся в кругу близких и друзей. Здесь можно быть самим собой, говорить, не подбирая слов, не задумываясь, как тебя поймут и какотреагируют. Здесь можно раскрывать особенности своей работы, не прятать настроение, боль, радость. Здесь позволительно рассказывать байки и анекдоты, а затем говорить о серьезном, «по душам».

Именно вот такой я и захотел создать книгу. Книгу «кухонных разговоров и откровений».

Мой соавтор Алексей Зинин, с которым мы дружим с 1999 года, сумел вытащить из моей памяти даже те случаи и истории, которые я был бы рад забыть. Мы старались создать честный и подробный труд о футболе и профессиональных секретах личностного роста. Нашлось здесь место и тактике, и разбору характеристик знаменитых футболистов, и психологическим приемам работы со звездами.

Данная книга состоит из двух объединенных в целое частей. Первая – вышла в 2006 году под названием «Валерий Газзаев. Приговорен к победе». Ее мы здесь публикуем без

корректив. Мы даже не стали менять изложение в настоящем времени на прошедшее, чтобы сохранить энергетику затрагиваемых событий.

Вторую часть мы написали в 2016-м. Она позволит вам отследить динамику перемен, увидеть, в чем я был прав, а в чем, может быть, заблуждался. Когда я перечитывал рукопись целиком, мне самому было интересно обнаружить новшества в моем мышлении по некоторым важным вопросам.

Желаю вам мира, счастья, постоянного развития и... хорошего чтения!

Итак, начнем с первой части. Отправляемся в путешествие в самый успешный год в моей карьере, 2005-й. Мы с вами шаг за шагом пройдем путь к победе в кубке УЕФА.

* * *

Любое поражение – трагедия. Сядишь в машину и мчишься домой. Отключаешь телефон, никого не хочешь слышать, никого не можешь видеть.

Хорошие люди так устроены, они стараются поддержать тебя, посочувствовать. Мне же никакие сочувствия не нужны! Это пытка! До сих пор непонятно, почему меня – здорового, уверенного в себе мужика – должен кто-то жалеть? Я сам в состоянии справиться со своими переживаниями. Сострадание – это смерть для меня! Лучше пусть ругают, поливают грязью. Впрочем, грязи тоже во все времена хватало в избытке.

Тем не менее благодарен всем негодям и критиканам. Я никогда о них не забываю. Это мобилизует даже теперь, когда, казалось бы, я заслужил право расслабиться.

В 2005 году мне посчастливилось многого добиться, однако удовлетворение от этого не стерло из памяти ощущение боли, возникавшее после каждой неудачи на моем длинном жизненном пути. Для меня, например, и сегодня оскорбительны воспоминания о том, что сборная под моим руководством товарищеский матч с Израилем провела откровенно наплевательски. Вроде бы ничего тогда страшного не случилось, ну, сыграли не так, как хотелось. Но я не мог после этого оставаться на своем посту. Я 40 минут в раздевалке говорил футболистам все, что о них думал. Всем вместе и каждому по отдельности, не подбирая выражений! Я и сейчас им это сказал бы и хлопнул бы дверью так, как тогда.

Я всегда, за единственным исключением, уходил сам. Уходил, потому что так было надо. Уходил без колебаний. Во всех ситуациях можно было притвориться, что все нормально, остаться и продолжать работать. Допускаю, я до сих пор возглавлял бы сборную России, но это было бы предательством самого себя.

Я уверен в правильности всех своих решений! Я все делал искренне, так как чувствовал, словно какой-то внутренний голос указывал мне дорогу.

Однако, как бы судьба ни глумилась надо мной, как бы далеко ни отгоняла от любимого дела, я не сомневался, что вернусь. Вернусь и покорю те вершины, которые раньше являлись для меня недостижимыми. Я всю жизнь надеялся только на себя самого, потому что понимал, человек сам в ответе за свое настоящее и будущее, никто ему помогать не обязан. Мне никто никогда и не помогал. Всего, чего я добился, я добился своим трудом, своим потом, своими бессонными ночами.

Постоянно передо мной возникали препятствия, которые необходимо было преодолевать. Я их преодолевал и становился сильнее. Даже для того, чтобы жениться на Белле, мне пришлось изрядно помучиться. Ее отец – очень волевой и жесткий человек – категорически был против того, чтобы его дочь вышла замуж за футболиста: считал, что представители нашей профессии люди ветреные, несерьезные и совсем не домашние. Неудивительно, что все родственники Беллы смотрели на меня косо, лишь одна бабушка одобряла выбор своей внучки. Тем не менее девушка моих грез все же стала моей женой и прошла со мной путь с самых низов до грандиозного триумфа.

И в том случае, и во всех других меня подзаряжала энергией вера. Вера безграничная, необузданная, все затмевающая. Без веры невозможно! Наверное, это единственное, что движет цивилизацией. Вера в Бога, вера в идею, вера в детей, вера в конечную цель. Пропадет она – мир погибнет! Мы сделаемся потребителями. Получится, что я буду трудиться ради зарплаты. И все! Я же работаю для того, чтобы добиваться результата, чтобы создавать, а вот уже потом я должен получать деньги. Сами по себе, просто так, они мне не нужны.

...Как вы, наверное, уже догадались, эта книга – не автобиография. Я не обольщаюсь в отношении того, что многим интересно, в каком году я окончил школу, а в каком вошел в клуб Григория Федотова. Тем более все эти факты и так широко известны.

Я раньше не придавал сему афоризму значения, но, оказывается, действительно в жизни каждого рано или поздно наступает момент, когда хочется оглянуться назад. Быть может, мой опыт, мои разочарования и достижения для кого-то окажутся поучительными и позволят мечту превратить в реальность. Дай бог, чтобы каждый, кто этого заслуживает, выиграл «свой Кубок УЕФА». Я к своему шел с самых пеленок. Изо дня в день.

Глава 1

Дорога к Путину началась в неблагополучном дворике

Приехал в клубный офис. Мой стол, на котором всегда царил порядок, скрывался под ворохом газет и поздравительных телеграмм, телефоны разрывались от звонков. Постоянно кто-то входил и что-то говорил. Суета. Хотелось курить, но даже не было возможности достать из кармана зажигалку. Страна сладостно сходила с ума, и осознание того, что это происходит по нашей «вине», грело душу, заставляло ее петь и искриться. И вдруг – стоп. Официальное приглашение на прием к президенту Российской Федерации. Пауза. Осмысление...

Для того, кто считает себя гражданином своей родины, это событие. Событие на годы. По дороге домой думал, как все пройдет, что и как буду говорить. Дома с женой подбирали и готовили костюм – все должно быть безупречно. Утром в день встречи проснулся взволнованным. Попытался припомнить, когда такое со мной было – разве что в далеком 1979-м, когда в финале Кубка СССР в переполненных «Лужниках» шел пробивать пенальти. Шел и знал, что не забуду. Вот уже 26 лет кошмары того матча не отпускали меня.

Как только увидел своих ребят, волнение отступило. Перед командой я всегда должен оставаться предельно хладнокровным. Мы шутили, общались, и у всех беспокойство постепенно сменялось ощущением торжества и какого-то неописуемого восторга.

А потом была встреча. Рукопожатие и слова Президента. Совсем не банальные, из глубины сердца. Эта речь и меня, и игроков раскрепостила окончательно. Уметь так располагать к себе людей, как это умеет Путин, большое искусство. Он пригласил нас за стол, мы выпили по бокалу шампанского, и около часа он расспрашивал нас о спорте – со знанием дела, надо признать, расспрашивал. И ощущали мы себя с Владимиром Владимировичем на равных, будто находились в обществе близкого и родного человека. Настолько родного, что Вагнер – самый оригинальный наш товарищ – надумал с главой государства сыграть в футбол. Владимир Владимирович, видимо, не по этой части, тем не менее на предложение откликнулся. И получилось у него это весьма и весьма неплохо. А Вагнер – молодец: парень без комплексов. Такие и становятся чемпионами!

Уезжали мы из Кремля просветленными, с мощнейшим психологическим зарядом. Вечером на базе у всех работали телевизоры. И на всех экранах были мы – армейцы – рядом с Путиным. Я щелкал с одного канала на другой и испытывал чувство гордости. Но гордость та была не за себя, а за родителей, родных, друзей и даже за тех, с кем в далеком босоном детстве дрался во дворе.

* * *

«Золотой» 2005 год начался для меня за долгие десятилетия до своего наступления.

Скорее всего, это случилось в тот день, когда я впервые увидел нечто загадочное и круглое. Мама рассказывала, что я был еще совсем карапузом и только пытался ползать. Среди разбросанных по комнате игрушек я выбрал именно мячик и больше с ним не расставался. Никогда! Не знаю даже, как это назвать. В последнее время я часто стал задумываться о таких понятиях, как судьба, предназначение, божий дар. И чем старательней я пытаюсь найти ответ: почему я, сын знаменитого осетинского борца, сделал смыслом своей жизни футбол, тем больше прихожу к выводу: этот выбор был сделан на небесах. Мне нужно было

лишь день и ночь следовать знакам свыше и идти напролом. Я всегда был уверен в том, что добьюсь всех целей, которые себе поставил. Главное – при любых обстоятельствах оставаться верным себе, своим принципам и постоянно над собой работать.

Так получилось, что семья наша не была обеспеченной. Обитали мы в самом неблагоприятном районе Орджоникидзе. Если в наших краях оказывался какой-нибудь «залетный», то выбраться оттуда ему было уже непросто. Сказать, что у нас господствовали волчьи законы, – значит, не сказать ничего. Стички возникали на ровном месте. Я очень быстро для себя решил, что какая бы заваруха ни возникла, я не дрогну. Лучше походить недельку с синяками, чем долгие годы ощущать себя оплеванным. Поэтому махать кулаками приходилось регулярно. Естественно, пацанам с нашего района было заранее зарезервировано место за колючей проволокой. До сих пор убежден, если бы мое желание стать футболистом не было столь сильным, «свой Кубок УЕФА» я завоевывал бы где-нибудь на Колыме.

А так я осознавал, что нет ничего страшнее, чем потерять свою мечту. Вот и держался за нее, бредил ей, пестовал ее, всячески старался к ней приблизиться. Приходил из школы, бросал в угол портфель, намазывал корку хлеба маслом, посыпал песком. Жевал уже на бегу, потому что не терпелось выйти во двор, набрать ребят и приступить к любимому развлечению – футболу. Все детство так и пролетело. До сих пор меня охватывает ощущение какого-то дикого восторга, а мускулы чувствуют прилив энергии, как только вспоминаю те далекие годы и те мгновения, когда начиналась игра. Я вижу тот старенький резиновый мяч и кучу мальчишек, пытающихся его у меня отобрать. Еще больше у меня захватывает дыхание, когда я раскапываю в своей памяти моменты, как нам удавалось своровать настоящий кожаный мяч. Трудно передать, что это для нас значило! Мы бредили футболом, стремились быть взрослыми и походить на настоящих мастеров. Вот и отправлялись на промысел. У институтского общежития прятались в засаде и ждали, когда же заветный трофей вылетит из-за забора. Пока за ним кто-то шел, мы выбегали из своего логова, хватали мяч и неслись наутек со всех ног. Во дворе по этому поводу устраивался праздник, однако через пару месяцев мы затирали кожаную сферу до дыр и снова снаряжали бригаду добытчиков. Конечно, это не делало нам чести, но настолько велико было желание сродниться с большим спортом, что совесть молчала!

Нынешнее поколение, наверное, меня не поймет. А я не понимаю другого – как можно достичь чего-то без фанатизма. Мальчишки XXI века занимаются в спортивных школах шесть раз в неделю по полтора часа, а все остальное время многие из них посвящают Интернету и чтению «Гарри Поттера». Вряд ли в этом есть что-то плохое, но при таком подходе высот в футболе не достигнешь. Мы в детстве каждый день играли не менее восьми часов. В выходные – по двенадцать – пятнадцать часов. И все равно мне этого было недостаточно! Летом, когда я уезжал в деревню, с мячом вообще не расставался. Искренне сочувствую своим младшим братьям, которые принимали удар на себя. Мне ведь нужно было кого-то обводить, кому-то забивать. Вот они, бедолаги, и страдали.

* * *

Полагаю, детство у меня прошло плодотворно, я ничего не упустил и ничем своей будущей карьере не навредил. Ну и к тому же непосредственно в те далекие годы у меня проявилась склонность к организаторской работе, которая впоследствии так мне пригодилась в моей тренерской деятельности. Я, будучи еще совсем маленьким, повадился проводить во дворе турниры, делать площадки, проектировать ворота, размечать лицевые и боковые линии. Тогда же научился рисковать. В паузах между импровизированными матчами я мог

залезть к кому-нибудь в сад и набрать для ребят целую сумку яблок. Считал, что витамины нам не помешают.

Чуть позже пришло осознание того, что мужчина должен уметь зарабатывать деньги и нести ответственность за своих родных и друзей. Это явилось мощным стимулом. Рядом с нашим домом располагалась железная дорога, и мы с пацанами стали частенько туда ходить разгружать вагоны. Когда получил свои первые рубли, почувствовал легкое чувство гордости. Для самоуважения это очень важно!

Но куда важнее – побеждать! Побеждать в любой встрече, в любом противостоянии. Мне кажется, что во мне с рождения сидел дикий дух победителя, но при этом я его постоянно укреплял. Бывало, бросал вызов какой-нибудь компании: давайте сразимся, я один, а вас пятеро. Ставил себе первого попавшегося мальчугана в ворота. Во дворе росла акация, и я играл с ней «в стенку», очень здорово мы взаимодействовали. Постепенно ствол дерева оббил до такого состояния, что на нем не осталось коры. В общем, с этой акацией мы много побед одержали.

На меня и обижались, и злились, и требовали реванша, а мне только того и надо было. Я снова брал верх, моя уверенность в своих силах становилась железобетонной. Я вообще везде и всегда стремился быть первым: быстрее всех плавать, выше всех прыгать, мощнее всех бить! Если кто-то в чем-то меня превосходил, я ставил перед собой цель быть лучше его и всячески к этому стремился. С годами я развил в себе такую тягу к совершенствованию, что ни одни сутки не прошли для меня впустую. Я постоянно двигался вперед и приближался к заветному триумфу.

* * *

Считаю большой удачей то, что я попал в детско-юношескую спортивную школу именно в двенадцатилетнем возрасте. Не раньше и не позже. С одной стороны, у меня уже сложился свой стиль: я был предельно раскрепощен для того, чтобы творить на поле. Наличие приличной техники позволяло мне на соревнованиях делать то, что я хочу, а не то, что мог бы потребовать от меня тренер. В ДЮСШ все-таки устанавливают определенные ограничения. С другой стороны, в нужный момент я стал получать тактическую подпитку, и у меня появились предпосылки для выхода на новый уровень.

Там-то выяснилось, что, оказывается, я совсем не умею проигрывать. Если наша команда уступала, то у меня возникало ощущение, что мое сердце разрывается от боли и обиды. Я плакал навзрыд, ругался на партнеров. Они пытались меня успокоить: «Валера, в следующий раз победим», но только сыпали мне соль на раны. Ведь слово «следующий» означало, что прошедший матч уже не повторится и его исход я никогда не смогу исправить. Правильно сказал кто-то из великих: «Нет на свете ничего печальней сожаления о том, что могло бы быть». Наверное, понимание этого и делало меня лидером. Я старался «умереть» в каждую конкретную секунду настоящего, «умереть», чтобы никогда потом не кусать себе локти.

* * *

Мой крутой нрав запрещал мне признавать авторитеты. Их для меня не существовало. Вообще! И это, между прочим, очень развязывало руки: у меня не было самоограничивающих убеждений. Я сам себе внушал все, что считал нужным, и достаточно быстро вбил себе в мозг и в сердце истину, которую взял за основу в своей жизни: и невозможное возможно! Потому-то и вынашивал, и продолжаю вынашивать самые дерзкие планы.

Когда мне стукнуло четырнадцать, я решил заявить о себе в местной футбольной Мекке. На территории горно-металлургического института собирались самые выдающиеся технари города, приезжали даже из команды мастеров. Рубились четыре на четыре до гола. Попасть на ту площадку было нереально. Часами приходилось стоять в очереди. Там особенно ценился дриблинг, умение обращаться с мячом. Я был на седьмом небе от счастья, когда сумел стать уважаемым игроком среди самых выдающихся маэстро, а став, почувствовал себя бразильцем.

Кстати, никогда не задумывались, почему среди «кудесников футбола» столько ярких индивидуальностей? Да потому, что они с пеленок возятся с мячом в свое удовольствие, им никто не навязывает какие-то схемы и не требует «рвать жилы», как в европейских, а особенно в наших спортивных школах. «Рвать жилы» нужно уже окрепшим и получившим необходимую техническую и эмоциональную базу.

Я очень ценю опыт. Он не продается и не покупается. Каким бы ты прозорливым ни был, нельзя предугадать все, что тебе пригодится в будущем. Поэтому я всегда старался познать все, с чем сталкивался, и обязательно в своей голове откладывал на специальные полочки приобретенные умения и навыки, сделанные выводы.

Так, участия в баталиях на площадке горно-металлургического института пригодились мне 35 лет спустя при работе в ЦСКА с Вагнером, Карвалью и Дуду. Я смотрел на этих посланников страны Пеле, вспоминал свои ощущения в тот момент, когда блистал техникой в осетинской Мекке, и словно оказывался в шкуре своих подопечных. Это помогало мне говорить с южноамериканцами на одном языке, пускай и при содействии переводчика.

Высказывания разных лет

Георгий Хуадонов, партнер Валерия Газзаева по детской команде:

«Мы с Валерой жили рядом и, встретившись впервые в одной команде, стали неразлейвода. Вместе ездили на тренировки, вместе с них возвращались. Хотя дружить с ним было очень непросто. Я уже в то время поражался тому, что на поле для него друзей не существовало, были только партнеры и соперники. Если кто-то из нас недорабатывал, играл спустя рукава, допускал небрежность, он коршуном набрасывался на товарища по команде, ругал его на чем свет стоит...»

Если мы проигрывали, в раздевалке он горько и безутешно плакал, успевая при этом кричать, что все это из-за нас, что один не так сыграл в том-то эпизоде, другой – в следующем... Удивительно, как он четко запоминал все перипетии матча.

Ребята, а я в особенности, старались утешить его: Валера, даем тебе слово, что на следующий матч мы все как следует соберемся и обязательно выиграем его. На что он неизменно сквозь слезы и всхлипывания отвечал: «Дураки, как же вы не понимаете, что это будет совсем другой матч. А сегодняшний мы уже никогда не выиграем...»

Ольга Семеновна Газзаева, мама:

«Когда Валера был в детском возрасте и уже ходил в футбольную школу, умер его дедушка, которого он очень любил. Дома – траур перед похоронами, а он вдруг начинает собираться на тренировку. Сестра всплеснула руками: «Валера, как ты можешь куда-то уйти, ведь умер твой дедушка, у нас такое горе?!» А он отвечает: «Даже если вы все умрете, я все равно пойду на тренировку». Мы были просто потрясены таким его фанатизмом».

Игроки и тренеры дубля «Спартак» (Орджоникидзе) вспоминают:

«В сентябре 1971 года мы играли дублем в Казани с местным «Рубином». Этому матчу сопутствовал целый ряд любопытных обстоятельств. Во-первых, казанцы по каким-то причинам решили выставить против наших мальчишек девять человек из основного состава, во-вторых, к нам на смотрины приехал футболист из Ростова-на-Дону Месхадзе, в-третьих, Валере пришло приглашение выехать после этого матча за рубеж в составе юношеской сборной СССР... А накануне он подрался с нашим администратором. В аэропорту Минеральных Вод (во Владикавказе своего аэропорта тогда не было) объявили посадку, и администратор грубо крикнул Газзаеву: «Молодой, бери сумки и тащи!». Валера и без принуждения сделал бы это. Но на грубость ответил грубостью, слово за слово, и они подрались».

Собрали собрание, в повестке которого стоял вопрос: можно ли выпускать Валерия Газзаева в зарубежную поездку? В конечном итоге было предложено: «Давайте отпустим его за рубеж, но сначала посмотрим, как он завтра будет играть».

Газзаев был самым молодым в нашем дубле. Для всех же новичков у нас существовал своеобразный тест. Месхадзе тренер тоже предупредил: «Сыграешь лучше Газзаева – считай, ты принят в команду, если нет, то не обессудь».

Что творил Валера на поле в тот день, трудно описать. Он рвал оборону «Рубина» в ключья, забил мяч, сделал голевой пас. Публика на стадионе с ума сходила... Тренер «Рубина» заявил, что лучше, чем Газзаев, играть в футбол невозможно. Месхадзе после игры подошел и говорит: «Я собираю манатки, куда мне до него, такого мне в жизни не переиграть».

Глава 2

Выбирая «Спартак», получал Кушку

Лет с пятнадцати все мои помыслы были направлены на попадание в дубль местного «Спартака». В каждом районе Орджоникидзе имелись свои подрастающие звезды, мы смотрели друг на друга, и каждый хотел первым пробиться во взрослый футбол. И когда тренер пригласил в команду не меня, а другого парня, я психанул и все бросил. Даже поступил в сельскохозяйственный институт. Но вот тут Господь Бог не позволил мне совершить ошибку. Видимо, отдавая мне должное за все старания и усилия, он закрыл глаза на мою несдержанность и сделал подарок. На следующий день после того, как я стал студентом, мне сказали, что «Спартак» нужен еще один нападающий. Я получил шанс и воспользовался им в полной мере. Уже через одиннадцать игр я попал в юношескую сборную Советского Союза. И это из Первой лиги! Достижение по тем временам серьезнейшее. Более радостного человека на земле тогда не было! Я почувствовал, что не просто могу, а обязательно достигну цели № 1, которую поставил себе еще в раннем детстве. До сих пор помню, как совсем еще пацаном увидел по телевизору футбол и понял, что тоже «хочу быть в телевизоре, в майке с буквами СССР на груди».

* * *

Ту свою мечту я в итоге реализовал, но чувства удовлетворения не получил. Не о такой карьере в сборной я грезил, не такие ориентиры себе намечал. По прошествии лет я часто размышлял о том, как бы все повернулось, доведись мне выступать в великих клубах. В великих не по именам, а по уровню задач. Почти убежден, что тогда моя игровая карьера сложилась бы куда ярче. Но кто знает, не останься у меня ощущения нереализованности, наверное, не многого я бы добился на тренерском поприще и, скорее всего, вряд ли бы моя команда завоевала Кубок УЕФА. А так я постоянно старался взять у судьбы реванш, рвался наверстать упущенное. На клубном уровне, полагаю, мне кое-что удалось, а что до сборной, то к ней у меня имеются особые счета. Уверен, когда-нибудь я вновь возглавлю национальную команду и реабилитируюсь по полной программе за не совсем удачные романы с ней – и в качестве действующего футболиста, и в качестве наставника.

Ну, а пока рана продолжает кровоточить. Да, сейчас я понимаю, что тренеру всегда проще опираться на проверенные, хорошо знакомые ему кадры. Но избавиться от своей обиды все равно не могу – уж больно сильной она была изначально. По молодости я воспринимал принципы комплектования сборной Бесковым и Лобановским как совершенно несправедливые. Получалось, что если ты не выступаешь в «Спартаке» или киевском «Динамо», то ты уже не способен регулярно защищать честь страны. Константин Иванович и особенно Валерий Васильевич, хоть и приглашали меня от случая к случаю, попеременно говорили, что Газзаев не вписывается в их концепцию или что ему на поле будет трудно найти общий язык со старожилками. Я кипел, но старался себя успокоить: мэтры признают мою индивидуальность, мою исключительность и осознают, что переделать меня им не удастся. А сам я никогда не пытался себя ломать и под кого-то там подстраиваться. Считал: у каждого из них свое видение, а у меня свое! Я и сегодня убежден, что наш вид спорта должен быть более индивидуально выраженным.

* * *

Любопытно, что, несмотря на сложившееся мнение, будто я не спартаковский форвард, в этот клуб меня звали трижды! Вначале еще в семнадцатилетнем возрасте. Однако когда я об этом заикнулся матери, то мне быстро разъяснили утопичность ситуации. На Кавказе культивируется почтение к родителям. Что бы они тебе ни говорили, что бы они с тобой ни делали, ты обязан их слушаться и им доверять – это ведь благодаря им ты появился на свет. А родители слишком дорожили моим будущим, чтобы в юные годы отправить меня в столицу. На первых порах я страшно страдал, но теперь готов сказать маме «спасибо». Как бы человек в себя ни верил, ему следует реально оценивать свои силы. Я же к тому моменту еще не до конца сформировался и еще недостаточно окреп психологически. Заявись я тогда в «Спартак» со своими представлениями о жизни и со своей готовностью махать кулаками по малейшему поводу, моя карьера могла бы быстренько закончиться.

Второй раз красно-белые зазывали меня в 1979-м. В «Динамо», куда я пришел, как раз уволили Севидова, и Сан Саныч мне говорил: «Спартак» – это хороший вариант. Это сборная! Соглашайся, у тебя уже нет ни перед кем никаких обязательств». Но я тогда не был в состоянии адекватно оценивать происходящее, настолько был взбешен решением руководства сменить главного тренера.

* * *

Вот здесь я, пожалуй, несколько отклонюсь от темы. Я всегда стремился завоевать золото чемпионата СССР и работать с наставником, который может мне многое дать. Потому я и согласился на переход из «Локомотива» в «Динамо». У бело-голубых тогда был выдающийся состав, и я нисколько не сомневался, что под руководством Севидова мы будем вне конкуренции. Многие специалисты заранее отдали нам победу, однако накануне старта турнира «Динамо» совершило турне в Америку, где Сан Саныч повел команду в магазин к своему другу, эмигрировавшему туда из Киева. Ребята купили какие-то вещи по очень выгодной цене, а по возвращении в Москву некто Родионов, тогдашний начальник «Динамо», накатал на Севидова донос. На этом все рухнуло, и славная история легендарного клуба фактически завершилась. На смену ей пришла история совсем другая, та, о которой распространяться совсем не хочется. Только при мне поменяли девять тренеров, кадровая чехарда стала главной клубной традицией. Я абсолютно убежден, если бы Севидов остался, то именно «Динамо», а не «Спартак», в тот год праздновало бы чемпионство, и в дальнейшем оно было бы лидером отечественного футбола, а не призраком прошлого. Когда на экстренном собрании Сан Саныча демонстративно выкидывали из команды, никто из лидеров не вступился. Такие титаны, как Гершкович, Долматов, Маховиков, сидели и молчали. А я, молодой, только пришедший, встал и выступил: «Я не согласен с вашей политикой. Я доверяю Севидову, а вы его снимаете. Не хочу иметь с вами никаких дел. Не хочу и не буду!»

В общем, с «Динамо» я расстался, но тогда таких вещей не прощали. За мной вскоре прислали «черный воронок», и все закончилось тем, что я поехал вместе со всеми на сбор.

В 1981 году, с третьей попытки, я все-таки отважился на переход в «Спартак», однако меня вновь пригласили в одно серьезное учреждение на Лубянке, подвели к карте СССР и показали на самую крайнюю точку: «Валерий, вон видишь Кушку? Там тебе будут рады!» Мне все стало ясно, и я подумал: наверное, в моей судьбе спартаковский период все же не заложен.

Позже, с позиции лет, убедился: мне не о чем жалеть. Ни один мой шаг не был напрасным. Если и доводилось по не зависящим от меня обстоятельствам отклоняться в сторону

от цели, то я делался еще злее и с удвоенной энергией вгрызался в каждый впоследствии предоставляющийся мне шанс.

* * *

Я забивал почти всем командам Высшей союзной лиги. Для меня не существовало неудобных соперников, хотя на некоторых, как на тот же «Спартак», я настраивался по-особому. Тогда еще принципиальность в футбольном мире была облачена в цивильные одежды. Это сегодня «звезды» на всю страну позволяют себе унижать красно-белых или рассказывать якобы о полном превосходстве своей команды над ЦСКА. То ли время такое, то ли деньги большие что-то с людьми делают, но подобные заявления прежде были исключены. На мой взгляд, законы корпоративности должны соблюдаться всегда, даже если ненависть льется через край. Я принимаю жизнь такой, какая она есть, и никогда не говорю своим футболистам: «А вот наше поколение...» Это все бред! Не думаю, что мы лучше, чем они. И все же есть одна вещь, которую нынешним знаменитостям неплохо было бы у нас перенять. Мы относились друг к другу с уважением, с пониманием того, что все мы едим один хлеб.

Правда, понимание это не мешало друзьям-соперникам калечить друг друга на поле. Судейство было либеральным, правила символическими – вот кости и хрустели. Чего греха таить, порой сердце в пятки пряталось: идешь на мяч, а сам спинным мозгом ощущаешь, как в тебя двумя ногами сзади прыгают. Но я старался этой боязни не замечать, и уж подавно никогда не думал, что вот тут-то надо быть поосторожней, а то травму получу. Если бы я позволил себе подобные мысли, мгновенно бы со спортом простился. Я же, отдавая отчет в том, что амплуа у меня опасное, скрупулезно готовил себя к различным игровым ситуациям. На тренировках просил одноклубника Сашу Новикова действовать со мной предельно жестко. Отрабатывал стыки, реакцию, падение. И никогда не терял бдительность.

Я был подвижный, яркий, индивидуально сильный форвард, редко с мячом добровольно расставался. Брал его в центральном круге и тащил, тащил вперед.

Всегда со мной кто-то действовал персонально. Били от души, в открытую и исподтишка. Попадались такие гладиаторы, что могли штангу перешибить. Защитники – народ гордый, некоторым мастерства не хватало, вот и использовали различные приемы, лишь бы не позволить оставить себя в дураках. Иногда настолько надоедали, что бил в ответ. Очень серьезное противостояние было с Сулаквелидзе, в Киеве – с Журавлевым, Балтачей и Бессоновым. В Донецке со знаменитым Пьяных – он выходил на матч, закатывал рукавички и метелил всех подряд.

Так что повреждений у меня, хоть и обошлось без особо тяжелых, за карьеру было достаточно. Первый раз загремел в лазарет примерно в восемнадцатилетнем возрасте. Только в «Спартаке» (Орджоникидзе) стал самоутверждаться – и порвал переднюю поверхность мышц бедра. Пополам! Хорошо, быстро восстановился, без последствий.

Самое же памятное повреждение заработал, дебютируя в составе сборной СССР: плечом воткнулся в землю. Отделался разорванными связками ключицы. Месяц ходил со страшной болью, спал только на спине. И, кажется, долго я себя потом берег, в единоборства шел аккуратненько. Но как-то на тренировке упал-таки на плечо, перекувырнулся и обнаружил, что все нормально. Сразу же вся боязнь прошла.

Лет с тридцати, наверное, паховые кольца очень мучили. Играл на уколах. В Тбилиси случилось обострение – терпеть было уже невозможно, даже чихнуть не мог. После матчей меня обкалывали обезболивающими. Печень «сажалась». Сплошные страдания, а не футбол. И все-таки я должен быть благодарен Богу за то, что он мне симпатизировал и выводил из-под ударов. Неоднократно! Например, я долго выступал без щитков, а тут вдруг, когда

мы были в Югославии, что-то мне подсказало: поезжай в спортивный магазин. Я поехал и купил щитки. Надел их на поединок с «Железничаром», испытал жуткое неудобство и даже хотел избавиться от них, да не успел: один защитник под меня подкатился – если бы не моя покупка, сделался бы я тогда, наверное, инвалидом. Потому что щиток развалился. А ведь на его месте должна была быть моя кость.

* * *

Вот вспоминаю сейчас свою игровую карьеру и ловлю себя на том, что выражение моего лица меняется. То становится торжественным, потому что в сознании всплывают матчи против тех же спартаковцев, киевских и тбилисских динамовцев, которые мне, как правило, удавались. То морщусь, как будто проглотил лимон, оттого что перед глазами встают эпизоды из встреч с более скромными командами. Глупо было бы надувать щеки и говорить о том, что играл я всегда здорово. Бывало, выдавал такие отрезки – волком выть хотелось. Единственное, утешало то, что как бы ни складывались события, я выжимал себя по максимуму. Потому что дорожил болельщиками и своей репутацией. В игре очень важны эмоции: в противостоянии с сильным соперником их было в избытке, вот и творил порой чудеса, а в матчах с посредственным оппонентом иногда внутри ощущалась пустота. Сегодня мне кажется: неплохо, что иногда я все же чувствовал себя опустошенным. Понимание того, что это такое, мне очень пригодилось в тренерской деятельности, и в частности в 2005 году, после того как ЦСКА завоевал Кубок УЕФА.

* * *

В моей памяти все еще живут матчи-кошмары, матчи, после которых не хотелось ни дышать, ни существовать. Они все в одном ряду. Кладбище разочарований, да и только. Полуфинал Кубка кубков. Полуфинал Олимпиады. Финал Кубка СССР – тот злополучный, где не забил пенальти. Я одиннадцатиметровые никогда не любил, штук восемь их запарол. Мне было уютней в борьбе, в единоборстве, когда кто-то мешал, кусался и бил по ногам. Вот это голы! Они никогда не забудутся. Самый яркий из них сотворил в 1981 году в «Лужниках» «Спартак». На 82-й минуте перехитрил двух защитников и закатил мяч в ближний угол Дасаеву.

Я оптимист, человек с позитивным мировоззрением, но вот что интересно, во мне крепче сидят эпизоды, не доставившие радость, а ранившие самолюбие.

Прокручивая в голове упущенные моменты для покорения той или иной вершины, чувствую, что даже сейчас я многое готов отдать, лишь бы вернуть назад тот или иной эпизод и все исправить. Побед никогда не бывает много, и, наверное, ни одна вновь добытая не компенсирует упущенной предыдущей.

* * *

Переживания игрока были цветочками по сравнению с тем, что довелось испытать в качестве наставника. Что бы там ни говорили, а тренер – почти наверняка самая экстремальная профессия. Боль неудач бывает столь сильной, что кажется: вот сейчас мир остановится. Ведь здесь ты отвечаешь не только за себя, но и за всю команду, за каждого отдельного исполнителя, за реализацию задач, поставленных клубом, и даже за настроение болельщиков, сидящих на трибуне и у экранов телевизоров. Трудно расставить по степени значимости качества, которыми должен обладать тренер, но однозначно, одну из ключевых позиций в

этом своеобразном рейтинге занимает умение справляться с грузом ответственности. Если твоя психика даст хотя бы малейший сбой, то этот груз тебя раздавит!

Высказывания разных лет

Игорь Волчок, главный тренер «Локомотива» в 1976–1978 годах:

«Газзаева я впервые увидел в 1973 году в составе «Спартака» (Орджоникидзе) и сразу понял, какой это яркий талант. Не откладывая дела в долгий ящик, собрался было заполучить этого форварда, но его призвали в армию. Намерений своих я не оставил, ждал два года, даже переживал, если Беца не ставил Газзаева в основной состав ростовского СКА. И когда представилась возможность, сразу же пригласил Валеру в «Локомотив».

Наши отношения начинались тяжело: со встреч и расставаний. Насколько он был талантлив, настолько и трудно поддавался управлению.

Когда он только появился в команде, мы практиковали двухразовые тренировки: утром – двухчасовую, насыщенную, напряженную, а после обеда – восстановительную. Так вот на восстановительную от отказывался выходить. «Что за каприз? – негодовал я. – Ты сейчас же пойдешь». – «Не пойду!» – упорствовал он. – «Пойдешь!» – «Не пойду!» В результате он собирал вещи и уезжал домой. Работавший тогда в «Локомотиве» тренером-селекционером Александр Иванович Загорецкий вылетал в Орджоникидзе, уговаривал, привозил его снова. Но повторялась та же история с тем же финалом. И опять Загорецкий летел на Кавказ, Газзаев писал очередное заявление в «Локомотив», чтобы потом отказаться от него...

Тем временем руководители нашего футбола открыто противились появлению Газзаева в «Локомотиве», в резких выражениях заявляли мне, что я, мол, засоряю клуб, вношу анархию в столичный футбол...

Не знаю, чем бы все это кончилось, но на наше счастье в «Локомотиве» появился Гиви Нодия. Они стали жить с Валерой в одной комнате на базе, в номере гостиницы, и уже вскоре я заметил, что Газзаев начал меняться, пересматривать свои взгляды на отношения с окружающими его людьми. Не знаю точно механизма влияния на него Гиви Нодия, но буквально на глазах Валерий становился серьезнее, покладистее, прилежнее в работе. Вероятно, сказалось чисто человеческое обаяние Гиви, его высокий авторитет в футболе, завоеванный за годы выступлений в тбилисском «Динамо» и сборной СССР. Он оказал огромное, неоценимое влияние на формирование футболиста, да, наверное, и человека Валерия Газзаева.

За короткое время пребывания в «Локомотиве» Валера очень сильно изменился, переосмыслил многие свои взгляды и на футбол, и на жизнь вообще. В его поступках на первых порах человека вспыльчивого, неуравновешенного все больше доминировал рассудок, он научился владеть собой в экстремальных ситуациях. Его стали интересовать футбольные подробности, все больше я слышал от него вопросов: что, как и почему.

И на поле разум все чаще брал верх над эмоциями. У него появились «дежурные» команды, которые он просто «раздевал» из сезона в сезон, несмотря на жесткую опеку со стороны соперников – минское «Динамо», например, или «Зенит». И во взаимоотношениях с игроками он стал занимать принципиальную, исходящую исключительно из футбольных интересов позицию, уже никого против себя не настраивал, а наоборот, способствовал сплочению коллектива на здоровой, исходящей из интересов дела основе. У нас он стал игрок союзного масштаба, заслужил вызов в первую сборную страны».

Валентин Николаев, главный тренер молодежной сборной СССР – чемпиона Европы 1976 и 1980 годов:

«Во время первого финального матча европейского первенства я убедился в том, что оборона нашего соперника – сборной Венгрии особенно уязвима для скоростных, техничных

форвардов, и обратил свой взгляд на новоиспеченного локомотивца Валерия Газзаева. Был июнь, весенний чемпионат страны (в том сезоне у нас проводились два однокруговых первенства) еще только близился к завершению, но Газзаев успел уже зарекомендовать себя одним из лидеров столичного клуба.

Во втором финальном матче я выпустил Валерия на замену вслед за Давидом Кипиани, и эти незаурядные футболисты сразу же нашли друг друга на поле, образовав мощный тандем, который начал сотрясать оборону венгров. Гости перед этим забили гол в ответ на два наших, воспряли духом, дружно пошли вперед, однако появление на поле Кипиани и Газзаева сразу сбило их атакующий пыл, вынудило соперника вновь сосредоточиться на обороне, а нам позволило довести тот матч до победы.

И когда спустя четыре года в финале такого же европейского первенства нам противостояла сборная ГДР, я в решающем матче вновь прибег к услугам Валерия Газзаева, убедившись по ходу первого матча, что оборонительные редуты соперников можно преодолеть лишь с помощью высокого индивидуального мастерства, которым Газзаев был наделен сполна. Из молодежного возраста он к тому времени давно вышел, но по существовавшему регламенту каждая команда имела право включить в свой состав двоих «переростков». Я выбрал Валерия Газзаева и Рамаза Шенгелия. И не ошибся. Хотя, честно говоря, некоторые сомнения одолевали.

Ведь к тому времени Газзаев стал не только лидером московского «Динамо», но и поиграл за сборную страны. После этого выходить на поле в составе молодежной команды для кого-то, возможно, и неловко, даже непрестижно.

Но своей игрой Газзаев отвел малейшие сомнения на этот счет. Истинный профессионал, он полностью отдавался игре, и именно после его флангового прохода и сильной низовой передачи вдоль ворот Юрий Суслопаров забил тогда единственный, ставший решающим, гол в ворота сборной ГДР».

Никита Симонян, главный тренер сборной СССР в 1977–1979 годах:

«Для матча со второй сборной Италии я решил подготовить эксперимент – выставил трех нападающих, обычно больше тяготевших к игре на флангах, – Олега Блохина, Владимира Гуцаева и Валерия Газзаева, предоставив им возможность маневра по всему фронту атаки. Руководствовался прежде всего тем, что эти три блестящих мастера были лидерами в своих клубах. Учитывая уровень мастерства каждого из них, умение налаживать контакт с партнерами на поле и в то же время способность взять игру на себя, решил, что они обязательно найдут общий язык.

Действительность превзошла все ожидания. В атаке у нас был не просто ураган, а настоящий фейерверк блистательных эпизодов с участием всех трех и каждого в отдельности из наших форвардов. Наша команда выиграла – 3:1, а Валерий Газзаев забил один из мячей и сделал голевую передачу.

Его отличали высокое индивидуальное мастерство, нестандартные решения, нацеленность на ворота и прямо-таки неумная жажда гола. Он часто бил по воротам из неудобных положений, мог поразить цель, находясь к ней вполоборота, а то и стоя спиной. Он ни секунды не стоял на месте, все время находился в поиске наилучшей позиции, свободных зон на поле.

Многие считали Газзаева закоренелым индивидуалистом. На самом деле это было не так. Конечно, тренеру приходилось ломать голову над тем, как «вписать» этого неординарного форварда в состав. Однако, если это получалось, Газзаев, оставаясь солистом, и ассистировал партнерам первоклассно. А вот попытки переделать его игру, подстроив под кого-то из именитых партнеров, были бесполезны. Тогда этот форвард утрачивал свои лучшие качества, свою индивидуальность.

Говоря о Газзаеве-футболисте, не могу не отметить его редкую контактность, коммуникабельность, умение с полуслова понять, что от него требуется в каждом конкретном матче. Его эмоциональность, по крайней мере в сборной, никогда не переходила допустимых рамок, не шла во вред делу. Словом, это был футболист высокого класса, настоящий лидер».

Глава 3

Лучше наломать дров, чем сломать себя

До сих пор у меня учащается пульс при разговорах о том, как я ушел из московского «Динамо». Это был 1985 год. В команде появился персонаж, который захотел заставить Газзаева перестать быть самим собой. Я мгновенно понял, что Малофеев не та личность, которая может мне что-то дать как футболисту, и не та личность, которая в состоянии принести пользу клубу. Наверное, Эдуард Васильевич не очень-то разбирался в людях, потому что вынудить меня делать то, что противоречит моей сути, нереально! Он попытался установить для меня какие-то границы! И я уже после недели совместной работы знал, что наши с Малофеевым пути быстро разойдутся. Так оно и получилось. Впервые за восемь с половиной лет меня заменили! Казалось бы, ну что здесь такого? Однако характер не переделаешь, я воспринял это как личное оскорбление и тут же без лишних объяснений покинул «Динамо».

Я никогда не отказывался от своих принципов. Поэтому о своих уходах ни разу не пожалел. Да, конечно, где-то я ошибался, готов это признать, но все равно считаю, что поступал я именно так, как должен был поступить. Лучше наломать дров, чем сломать себя. Если твой внутренний стержень будет оставаться таким же прочным, то ты выберешься из любой ситуации и преодолеешь любые препятствия. А вот когда начнешь в себе сомневаться, когда перед кем-то прогнешься, где-то струсишь и промолчишь, где-то, наступив на свое «Я», убежишь от конфликта – тогда тебе конец!

Так везде. В тренерстве – тем более! Тренер – это не столько строитель, сколько художник. Он пытается воплотить в жизнь то, что выстрадал, то, что нашел путем длительных творческих поисков. Он не может «рисовать» футбол из-под палки, а следовательно, для реализации задуманного ему нужна внутренняя свобода. И поэтому самое ужасное для него – боязнь за свое место. Как только появляется страх, любимое дело уходит в подполье. И, к сожалению, большинство моих коллег этого не осознают. Если ты уверен в себе, а ты обязан быть уверен в себе, то ты никому не позволишь тобой манипулировать. Если только руководитель начинает влезать в творческий процесс и указывать тебе, кого ставить в состав и какую схему использовать, то ты должен или дать отпор, или тут же подать в отставку.

У меня волосы встали дыбом, когда я прочитал интервью одного действительно уважаемого владельца клуба, заявившего, что в будущем тактическая модель его команды претерпит изменения и будет заточена под конкретного нападающего. Зачем так, пускай и непреднамеренно, унижать тренера и остальных футболистов? Впрочем, с любым человеком обращаются так, как он того заслуживает.

* * *

Тбилисское «Динамо» – последнее пристанище Газзаева-форварда. Внимания оно заслуживает как раз тем, что было последним.

Уже во время сборов я заметил, что у тренера нет контакта с ведущими игроками, постоянно возникают какие-то трения. На две позиции в атаке тбилисского «Динамо» тогда претендовало шесть человек – Гуцаев, Шенгелия, Челебадзе, Газзаев, а также молодые Гурули и Месхи. Одно из мест Ахалкаци отдал мне. Практически весь подготовительный период мне приходилось играть в паре либо с Месхи, либо с Гурули, а трое маститых ветеранов ждали своей очереди на замену, что, безусловно, было для них непростым психологическим испытанием.

Мы жили на сборах в одной комнате с Володей Гуцаевым. Однажды он не выдержал: «Все! Больше не могу, уезжаю». Я его понял, отговаривать не стал. А утром на зарядке Ахалкаци на меня накинулся: «Где Гуцаев? Почему ты меня не поставил в известность о его намерениях?» Такого обращения я вынести не мог: «Вы меня зачем сюда пригласили, играть или стукачеством заниматься? Я буду играть, а все свои тренерские вопросы решайте сами».

Старт в чемпионате выдался для нас удачным. Команда побеждала, я забивал и в целом выглядел достойно. А тут в Тбилиси на кубковый матч приехал клуб Первой лиги «Ростсельмаш». Я попросил Ахалкаци: «Нельзя ли мне дать паузу? Хотел бы получше восстановиться». Он был не против: «Хорошо, но на всякий случай разденься в запас».

Первый тайм закончился нулевой ничьей, Ахалкаци в перерыве подошел ко мне: «Можешь сыграть?» – «Конечно!» В итоге забил гол и отдал голевую передачу – 2:0.

За победу каждому игроку тбилисского «Динамо» тогда полагалась премия – 500 рублей. Когда мы пришли ее получать, разразился скандал. Некоторым игрокам занизили суммы. Мне выписали 300 рублей. Получать премию не стал, отправился за разъяснениями к главному тренеру: «За что мне снизили размер премиальных? Скажите, в чем я провинился. Я профессионально отношусь к своему делу, выполняю все, что от меня требуется». Нодар Парсаданович явно хотел отыгаться за инцидент с Гуцаевым: «Просто я так решил, объясняться на эту тему не намерен».

От такого ответа эмоции у меня хлынули через край. «В таком случае я ухожу». Положил на стол заявление об уходе и уехал. Дело-то было не в деньгах, дело было в принципе, в отношении ко мне! Если бы Ахалкаци аргументированно объяснил, почему мне полагается именно такая премия, я бы мог с этим не согласиться, но я бы принял позицию тренера.

Сам став тренером, я с уважением отношусь к любому из своих игроков, рассматриваю каждого из них не только как футболиста, а прежде всего как личность. В пылу игры я могу накричать на кого-то, но оскорбить – никогда. Не имею на это никакого морального права. И если собираюсь наказать кого-то за провинность, то заранее представляю себе неприятный разговор, готовлюсь к объяснению с футболистом. Он обязательно должен знать, за что и почему он наказан. Иначе между нами доверия уже никогда не будет. А доверием своих игроков я очень дорожу. Но Газзаев-тренер – это уже другая глава. К ней мы подойдем чуть позже.

* * *

После скандального прощания с Нодаром Ахалкаци, наверное, можно было бы свое пребывание на поле продлить еще на парочку лет – силенки-то еще оставались. Однако я отдавал себе отчет, что прежний этап уже подходит к концу и вместо того, чтобы за него цепляться, нужно идти вперед. Необходимы были новые цели и новые ориентиры. Но какое-то время в голове царил хаос, я не осознавал, чего же я хочу. Ум и душа разрывались. Постоянно тянуло к мячу, и я с трудом удерживал себя от того, чтобы не сделать шаг назад. Раз за разом повторял: ты свое отбегал! Лишь иногда позволял себе предаться воспоминаниям, да и то я не плавал в них беспорядочно, а выстраивал логические цепочки: задавал себе важные вопросы и находил на них полезные ответы.

Как-то задумался над тем, что друзья мне часто говорили, будто для тренеров я являлся сущим наказанием. Задумался... и согласился – на тренеров мне и впрямь не везло. Посудите сами, я всегда высказывал свою позицию и никогда не сворачивал с выбранного маршрута. Если наставник воспринимал мое поведение неадекватным и зачислял меня – лидера команды, обладающего большим авторитетом, в стан своих противников, то, конечно, ему со мной приходилось несладко. Это при том, что я всегда был идеальный режимщик, да и меньше 12–15 мячей за сезон не забивал.

Полководец, который боится «сложных» солдат, обречен. Нельзя бегать от сильных людей, с ними необходимо искать общий язык – тогда они тебя отблагодарят за все, и их вклад в общее дело с лихвой компенсирует те нервные клетки, которые ты потерял в процессе решения их проблем.

У нормального специалиста игрок, который дает результат, вызывает радость. А что до характера, то он необходим! Какую мою команду ни возьми, всегда там погоду делали самобытные фигуры. Если кто-то думает, что в «Динамо» легко было, допустим, с Кирьяковым, Колывановым, Кобелевым, тот серьезно заблуждается. В «Алании» Тедеев, Тетрадзе, Шелия, Канищев тоже не лыком шиты. В ЦСКА вообще сплошные личности. Это означает, что каждый из ребят на все имеет свои взгляды, от которых отказываться не собирается. Я обязан уважать и всегда уважал мнение своих подопечных. Но моя основная задача заключается в том, чтобы объяснить им: «Вы – молодцы, и, наверное, даже правы, но команда не может иметь одиннадцать или двенадцать избранных концепций. Поэтому будет разумней, если каждый станет принимать за основу мнение главного тренера».

* * *

Исходя из всего вышесказанного, смею утверждать, что яркий футболист Газзаев обузой мог быть только для слабого наставника. И жизнь это доказала. Динамовские стратегии конца 70-х – середины 80-х годов в большинстве своем успели все разрушить, но не успели ничего возвести. Единственное исключение – Севидов, глыба союзного масштаба. Он понимал людей и понимал то, что я бьюсь за общее дело. Поэтому с ним у нас установились блестящие отношения.

Во многом благодаря Севидову я впервые задумался о тренерской карьере. В свой второй приход в московское «Динамо» Сан Саныч повторно вывел клуб в полуфинал Кубка обладателей кубков. И вот от финала 1985 года нас отделял один тайм. В Вене на перерыв мы ушли, ведя 1:0. Севидов в раздевалке спросил мое мнение по поводу того, нужны ли какие-то коррективы. Я сказал ему, что стоит заменить Васильева и Хапсалиса, а выпустить надо Бородюка и Пудышева. Сан Саныч ко мне не прислушался. В итоге Хапсалис «соорудил» в наши ворота два роковых пенальти. Потом все-таки главный тренер согласился с моим предложением, мы сумели переломить ситуацию, но было уже поздно – дальше проследовал «Рapid». На следующий день Севидов пригласил меня к себе и дал совет: «Из тебя может получиться тренер. Подумай об этом».

* * *

Идея стать тренером мне как-то сразу запала в душу, я потихонечку начал ее прокручивать у себя в голове. Я знал, что здесь слишком велика степень риска: лишь единицам удастся познать вкус грандиозных побед. И чем отчетливей до меня это доходило, тем мощнее становилось мое желание. Я будто настраивался на соответствующую волну. И довольно быстро пришел к выводу, что ни у кого ничего перенимать не буду. Я захотел создать свою систему, свою игровую концепцию. Я искал свою индивидуальность. И даже сегодня не останавливаюсь в этих поисках.

И все же, прежде чем ступить на тренерскую стезю, я успел попробовать себя в другой сфере. Еще до перехода в тбилисское «Динамо» я поработал начальником отдела футбола – хоккея в центральном совете «Динамо». Замом у меня был Коля Толстых. Вот ему быть чиновником нравилось, я же изнывал от скуки. Там не было размаха, не было движения. Сидел в кабинете, иногда выезжал в команды. В принципе, по долгу службы я мог отпра- виться в Киев и проверить, как строится тренировочный процесс у самого Лобановского.

Но как только я приезжал к кому-нибудь на занятие, ком подкатывал к горлу – футбол наваливался на меня всей своей тяжестью. Я ощущал жгучую потребность бросить рутину и никогда больше не садиться в руководящее кресло. Через шесть месяцев пыток я отважился снять с гвоздя бутсы и вернуться на поле.

После моего окончательного ухода из спорта и возвращения в Москву председатель ЦС «Динамо» Сысоев Валерий Сергеевич предложил мне вновь послужить на благо «родного общества», а уже зная мое отторжение бумажной работенки из разряда «не бей лежачего», он нашел действительно приемлемый вариант. Я стал заниматься различными динамовскими проектами. С головой погрузился в новое дело и добился внушительных результатов. Во мне обнаружился амбициозный, перспективный бизнесмен. Однако футбол не отпускал, он мне снился, сидел в каждой клеточке моего организма. И в один прекрасный день я четко все для себя понял и заявился к начальству с шокирующей новостью, что буду тренером. У меня наконец-то появились настоящие цели, и я тут же почувствовал себя счастливым!

Я всегда был убежден, что, если кто-то хочет добиться больших высот, он должен пройти все ступени, ведущие к успеху. Поэтому я начал с самых низов, с детско-юношеской спортивной школы. За полтора года работы с детьми мое представление о тренерстве поменялось в корне. Сейчас многие пытаются сразу взять быка за рога, но природу не обманешь. Человек получает ровно столько, сколько он вкладывает. Обогатиться на ровном месте нельзя. Если это и произойдет, то потом жизнь все равно потребует отдать ей долги. Сколько наших молодых тренеров уже испортили себе репутацию и подорвали уверенность в себе только потому, что не успели или не захотели набить себе шишки на более низком уровне, где удары на порядок слабее и безопасней.

Карьера игрока. Памятные даты. Версия журналистов

4 апреля 1976 года – дебют в высшей лиге

В Ворошиловграде «Локомотив» проиграл местной «Заре» – 0:1. 21-летнему Газзаеву хотелось плакать от досады. Но специалистам молодой осетинский форвард запомнился, вскоре, когда он забьет свой первый гол в «вышке» в ворота «Торпедо», о нем заговорят в полный голос.

6 сентября 1978 года – дебют в сборной СССР

«Крестным отцом» в сборной для Газзаева стал руководивший ею в ту пору Никита Павлович Симонян, ныне вице-президент Российского футбольного союза. В Тегеране сборная СССР победила со счетом 1:0, но для Валерия Газзаева дебют прошел крайне неудачно. Минут через 15 после того, как он заменил Георгия Ярцева, его увели с поля с переломом ключицы.

18 октября 1984 года – 100-й гол в карьере

Здесь лучше прибегнуть к воспоминаниям Валерия Георгиевича.

Валерий Газзаев: – Я очень хотел попасть в Клуб Григория Федотова. Хотел так сильно, что как только приблизился к заветной цели, остановился. У меня возник психологический барьер. Однако на матч с «Металлистом» я вышел в полной уверенности, что наконец забью. И уже на первой минуте мы заработали пенальти. Бить я их не умел, но тогда взял мяч: будет гол! Как будто оковы с себя сбросил. Следом еще раз отличился. И наш замечательный историк футбола Константин Сергеевич Есенин внес меня в заветный список, который насчитывал тогда чуть больше 30 фамилий. Для меня это было знаковое событие, закатил даже по этому поводу банкет в ресторане «Арагви». На том банкете, кстати, мой близкий друг певец и композитор Вячеслав Добрынин познакомился со своей будущей женой, с которой неразлучен и по сей день.

«Динамо» (Москва) – «Металлист» (Харьков) – 4:1 (2:0) 18 октября 1984 года. Москва. Стадион «Динамо». 3800 зрителей.

Судьи: В. Жук, С. Строев, В. Семенов (все – Минск). **Голы:** 1:0 – Газзаев – с пенальти, 1; 2:0 – Газзаев, 39; 3:0 – Аргудяев, 63; 4:0 – Фомичев, 78; 4:1 – Тарасов – с пенальти, 88.

Состав «Динамо» в том матче: Прудников, Буланов, Новиков, Фомичев, Головня, Хапсалис (Чесноков, 82), Атаулин (Ментюков, 72), Пудышев, Аргудяев, Каратаев, Газзаев.

11 апреля 1985 года – предложение задуматься о карьере тренера

В свой второй приход в московское «Динамо» Севидов повторно вывел клуб в полуфинал Кубка обладателей кубков. В перерыве венского матча Газзаев предложил свой вариант дальнейшей игры, Сан Саныч его не принял, второй тайм «Динамо» провалило. На следующий день Севидов пригласил Газзаева к себе и дал совет: «Из тебя может получиться тренер. Подумай об этом».

«Рapid» (Вена, Австрия) – «Динамо» (Москва, СССР) – 3:1 (0:1) Кубок Кубков. 1/2 финала. 10 апреля 1985-го. Вена. 19:30. Герхард Ханнапи Штадион. Дождь. 12 градусов. 20 000 зрителей.

Судья: Христов, Крхняк, Поучек (все – Чехословакия).

«Рapid» (Вена): Конзель, Лайнер, Прегесбауэр (Хрстич, 46), Гаргер, Вайнхофер, Браунедер, Кранчар, Паненка (Штадлер, 85), Вильфурт, Кранкль (к), Пакульт.

«Динамо» (Москва): Прудников (к), Силкин, Новиков, Поздняков, Буланов, Хапсалис (Бородюк, 76), Атаулин, В. Васильев (Пудышев, 69), Стукашов, Каратаев, Газзаев.

Голы: 0:1 Каратаев (26, с пенальти), 1:1 Лайнер (68), 2:1 Кранкль (70, с пенальти), 3:1 Хрстич (73).

На 65-й минуте. Паненка не реализовал пенальти (вратарь).

Предупреждения: Вайнхофер, 83 – Газзаев, 51, Силкин, 72.

27 июня 1985 года – уход из «Динамо» Москва

В матче на стадионе «Динамо» с «Араратом» 26 июня Малофеев в середине второго тайма вместо Газзаева выпустил на поле Стукашова. Учитывая тяжелые отношения с главным тренером, лидер команды воспринял замену как оскорбление. На следующий же день Газзаев принес в клуб заявление об уходе из «Динамо» – путь длиной в 6 с половиной лет был закончен.

14 июня 1986 года – завершение карьеры игрока, последний гол

Никто не знал, что матч Кубка СССР между «Динамо» Тбилиси и «Ростсельмашем» из Ростова-на-Дону станет для Валерия Газзаева последним в качестве игрока. В тот день в присутствии 13 с половиной тысяч зрителей именитый форвард забил гол и отметился голевой передачей, а на следующий день после конфликта с главным тренером грузин Нодаром Ахалкаци «повесил бутсы на гвоздь».

Высказывания разных лет

Николай Латыш, нападающий московского «Динамо» в 1979–1984 годах:

«С Валерием Газзаевым вскоре после почти одновременного нашего прихода в московское «Динамо» мы стали жить вместе – на базе, в гостиницах – и вообще подружиться. Шло время, но я не переставал поражаться его фантастически спортивному характеру. Его жажда победы, стремление быть первым проявлялись так же остро, как на футбольном поле, в тренировочной работе на баскетбольной площадке, в любом виде соревнований. Даже в карточной игре.

Мы все считали себя профессионалами, но важную победу или вообще отлично проведенную игру могли отметить за накрытым столом, позволить себе нарушить режим. У Валерия насчет этого был просто железный характер. Не помню, чтобы хоть раз, будучи игроком, он прикоснулся к спиртному. А как он готовился к игре! Тщательную разминку, например, начинал где-то за час до начала. Может быть, поэтому тяжелые травмы, как правило, обходили его стороной, хотя на поле он никого не боялся, смело шел и обыгрывал самых жестоких защитников».

Аркадий Галинский, спортивный журналист:

«Валерий Газзаев – футболист оказался звездой замороженной, увязшей в снегах России. На мой взгляд, он был одарен не менее, чем Стоичков или Ромарио, но недооценен. Родись он в Бразилии или в какой-то из стран Западной Европы, где личность на первом плане возводится на пьедестал, быть бы ему звездой первой величины. Это игрок не нашей системы, не нашей футбольной галактики.

Из всех тренеров, с которыми Газзаева сводила судьба, лишь Александр Севидов знал ему истинную цену, нашел способ его максимального самовыражения в футболе, поставив его бесподобное умение обострить ситуацию, его дриблинг и финты на службу команде.

У Севидова был собственный, отличный от других взгляд на футбол. Он, например, прощал футболисту, когда тот, обведя одного или двух соперников, в следующем единоборстве терял мяч. Севидов считал высшим классом, когда дриблер то и дело обыгрывал защитников, даже если острые ситуации в результате этого возникали через раз или через два раза на третий. И Газзаев стал для него просто находкой. Севидов был уверен, в том, что форвард, постоянно ставя защитника в неловкое положение своими трюками, наносит ему психологический урон, выводит из равновесия. Это же все равно, что у тебя вытаскивают кошелек, а ты никак не можешь уследить, угнаться за мошенником. Севидов не осаживал считавшегося закоренелым индивидуалистом Газзаева, но создавал всего лишь новый образ командного игрока.

Первым в этот образ поверил сам Газзаев и довольно скоро научился делать острую передачу, не заикливаясь на обводке, ловить момент для нее, видеть позицию партнеров, которые с помощью тренировок и теоретических занятий были вовлечены в эту карусель. Только у Севидова солист, вольный стрелок Газзаев стал еще и командным игроком.

К сожалению, сотрудничество этих двух ярких футбольных личностей волею судьбы оказалось недолгим, не успело достичь своего апогея...»

Виктор Царев, директор СДЮШОР «Динамо» (Москва):

«Вообще-то такое редко встречается, чтобы футболист с именем сам вот так пришел в детскую школу и попросил дать ему возможность потренировать мальчишек. Я стал пристально наблюдать за тренировками Газзаева и вскоре убедился в том, что свою работу он строит абсолютно правильно с точки зрения методики, во всех аспектах следует луч-

шим тренерским традициям. Сразу обнаружился его очень серьезный подход к работе. К каждому занятию Валерий специально готовился, у него все четко было расписано – и разминочная, и основная, и заключительная часть занятий.

На все тренировки Газзаев являлся без опозданий, всегда подтянутым, аккуратно одетым... Не могу не отметить и его педагогического такта. Вроде бы такой темпераментный, «разговорчивый» в игре, он никогда не повышал на ребят голоса, терпеливо и доходчиво объяснял задание каждому мальчишке, и скоро ребята были от него уже без ума. А он влюбился в них. Воспитанники нашей школы по сравнению со многими другими всегда были экипированы прилично. Газзаева имевшаяся форма почему-то не удовлетворила, и он на свои деньги привез ребятам из-за границы другую, фирменную.

И его наметанный глаз проявился сразу же. Примерно 60% игроков 1979 года, закончивших динамовскую школу, были от первого «газзаевского» набора – это очень высокий показатель. Когда после ухода Малофеева динамовское руководство определялось с претендентами на пост главного тренера команды мастеров, я одним из первых предложил кандидатуру Валерия Газзаева. Выбор пал тогда на Анатолия Бышовца, но я был уверен, что рано или поздно Газзаев еще вернется в «Динамо». Так впоследствии и произошло.

Самые памятные матчи Газзаева-игрока

Все матчи, в которых забивал голы, считаю как минимум неплохими. Лестных же слов заслуживает огромный перечень встреч с принципиальными соперниками, такими как «Спартак», киевское и тбилисское «Динамо». Памятны еврокубковые игры и игры за сборную.

1) Дома мы с трудом выиграли 1:0, а вот на выезде сотворили сенсацию. «Хайдук» был тогда лидером югославского футбола, 8 человек из его состава входили в сборную своей страны. Мы уверенно победили 5:2, а я сделал хет-трик.

«Хайдук» (Сплит, Югославия)

«Динамо» (Москва) – 2:5 (1:1)

3 октября 1984 года. Осиек. Городской стадион. 40000 зрителей. Ответный матч 1/16 финала Кубка обладателей кубков 1984/85.

«Хайдук»: Пудар, Андрияшевич, Вулич, Гудель, Бакрач (Шпанич, 71), Челич, Зл. Вуйович, Слишкович, Шалов (Дражич, 71), Асанович, Деверич.

«Динамо»: Прудников, Буланов, А. Новиков, Фомичев, Головня, Хапсалис, Атаулин, Пудышев (Силкин, 81), Аргудяев (М. Чесноков, 71), Вас. Каратаев, Газзаев.

Голы: 0:1 Газзаев (7), 1:1 Деверич (40), 2:1 Зл. Вуйович (50, с пенальти), 2:2 Газзаев (57), 2:3 Буланов (63), 2:4 Газзаев (77, с пенальти), 2:5 Хапсалис (80).

Предупреждены: Вас. Каратаев, Асанович, Хапсалис.

Судья: Дочев (Болгария).

2) Четверть века прошла, а я по-прежнему помню дату матча, счет и минуты, на которых забивал голы. В тот год сорвался мой переход в «Спартак» и красно-белые стали для меня еще более принципиальным противником. Очень приятно было их обыграть!

«Спартак» (Москва) —

«Динамо» (Москва) – 1:2 (1:1)

2 мая 1981 года. Москва. Центральный стадион имени В.И. Ленина. 35200 зрителей. Матч чемпионата СССР 1981 года.

«Спартак»: Дасаев, Сочнов, Мирзоян, Самохин, Г. Мачаидзе, Шавло (М. Мачаидзе, 60), С. Швецов (Калашиников, 69), Гесс, Гаврилов, Черенков, Сидоров.

«Динамо»: Пильгуй, С. Кузнецов, Никулин, Маховиков, Бубнов, Аджоев, Латыш (Максименков, 46), Минаев, Резник, Толстых (Матюнин, 46), Газзаев.

Голы: 0:1 Латыш (12), 1:1 Гаврилов (43), 1:2 Газзаев (83).

Судья: Шкловский (Москва).

3) Свой первый клубный трофей я завоевал лишь под занавес игровой карьеры. Поэтому финальная встреча Кубка СССР с «Зенитом» крепко запечатлелась в сознании. Помимо успешного результата могу отметить накал страстей и качество игры.

«Динамо» (Москва) —

«Зенит» (Ленинград) – 2:0

(0:0, 0:0, 2:0) доп. время

24 июня 1984 года. Москва. Центральный стадион имени В.И. Ленина. 43500 зрителей. Финал Кубка СССР.

«Динамо»: Прудников, Буланов, А.Новиков, Фомичев, Головня, Ментюков, Атаулин, Молодцов (Хапсалис, 46), Бородюк, Вас. Каратаев (Милешкин, 107), Газзаев (Матюнин, 117).

«Зенит»: Бирюков, Давыдов, Степанов, С. Кузнецов, Веденеев, Г. Тимофеев, Долгополов (Захариков, 46. Комаров, 109), Желудков, Чухлов, Брошин, Клементьев (Дмитриев, 91).

Голы: 1:0 Газзаев (97), 2:0 Бородюк (116).

Предупреждены: Г. Тимофеев (27), А. Новиков (87), Головня (100), Брошин (110).

Судья: Юшка (Вильнюс).

4) В Вильнюс московским командам всегда было непросто ездить. Тем не менее на этот раз мы крепкий и неуступчивый «Жальгирис» без труда разорвали. В тот день у меня на поле получалось абсолютно все.

«Жальгирис» (Вильнюс) —

«Динамо» (Москва) – 1:5 (1:1)

14 мая 1985 года. Вильнюс. Стадион «Жальгирис». 8500 зрителей. Матч чемпионата СССР 1985 года.

«Жальгирис»: Юркус, Мажейкис, Баранаускас, Бузмаков, Янонис, Каспаравичюс, Данисявичюс, Нарбековас, Якубаускас, Малкявичюс (В. Тамулявичюс, 72), Расюкас (Левяндраускас, 66).

«Динамо»: Прудников, Силкин, Буланов, Поздняков (Головня, 83), Матюнин, Бородюк, Атаулин, Вик. Васильев (Хапсалис, 46), Стукашов, Вас. Каратаев, Газзаев.

Голы: 0:1 Стукашов (31), 1:1 Данисявичюс (39, с пенальти), 1:2 Вас. Каратаев (61), 1:3 Бородюк (64), 1:4 Газзаев (84), 1:5 Стукашов (87).

Судья: Кусень (Львов).

5) Это был мой первый полноценный матч за сборную СССР. Предыдущий – дебютный – закончился для меня травмой. Против японцев я сыграл на очень приличном уровне, открыл счет своим голам за национальную команду и в довершение всего сделал дубль.

Япония —

СССР – 1:4 (1:3)

19 ноября 1978 года. Токио. Стадион «Комадзава-Олимпик». 10000 зрителей. Товарищеский матч.

Япония: Тагути, Сонобе, Отиаи, Фудзисима, Фурута, Имаи, Хасегава, Фудзигути, Хара, Канеда, Усуи.

СССР: Дегтярев (Роменский, 78), Пригода, Жуликов (Костава, 64), Маховиков (к), Бубнов, Бережной (Гаврилов, 64), Хидиятуллин, Бессонов, Дараселия, Кипиани, Газзаев.

Голы: 1:0 Фудзигути (9), 1:1 Дараселия (17), 1:2 Газзаев (37), 1:3 Газзаев (42), 1:4 Гаврилов (85).

Судья: Курамоти (Япония).

Глава 4

Опередив Лобановского, родился заново

В первый же полноценный день моей тренерской карьеры в большом футболе я столкнулся с любопытной ситуацией. Ко мне подошел один из лидеров «Спартака» (Орджоникидзе), назовем его мистер Х, и сказал: вон с тем я на поле не выйду. Через час «тот», и тоже один из лидеров, нанес ответный удар: я с мистером Х за один стол не сяду. На следующее утро я без объяснений отчислил обоих, потому что нужно было спасать атмосферу в коллективе. И мне, вот уж, наверное, единственный раз в жизни, не было жалко ребят – свои амбиции они поставили выше интересов клуба. Надеюсь, мое решение стало для них уроком. А вообще-то расставаться всегда тяжело. Даже с тем, с кем отношения уже на сходе. Каждый спортсмен самолюбив, и я должен учитывать его внутренние переживания. А уж если футболист квалифицированный и человек хороший, то настроиться на разговор с ним совсем не просто. Вот взять Кириченко – классного, кстати, бомбардира! Когда я определился с тем, что в 2005 году буду отдавать предпочтение более перспективным и подходящим под нашу тактику Вагнеру и Оличу, мне стало грустно за Диму: я не хотел, чтобы он терял время на скамейке запасных. Нельзя было ни скрывать это, ни кормить его обещаниями: сезон длинный, шанс представится всем. Я взял на себя ответственность и, честно обрисовав Дмитрию ситуацию, посоветовал сделать выбор. Я искренне рад тому, что он все правильно понял и нашел себя в «Москве».

Прощание – очень серьезный аспект нашей работы. Перед началом второго своего сезона все в том же Владикавказе¹ мне надо было расставаться с капитаном, который многое сделал для осетинского футбола той поры. Ну не поспевал он – душа команды – за нашими темпами. Признаюсь, мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы сообщить об отчислении. Помню, чеканил слова и смотрел ветерану в глаза, а у самого сердце разрывалось. Я ведь осознавал, что, быть может, ломаю парню судьбу. Потом успокаивал себя тем, что спорт – штука жестокая, благотворительность здесь чревата поражениями. Я обязан давать результат, и я его буду давать! Но ради этого я должен чем-то или кем-то жертвовать. То ли в знак наказания себе за свою жесткость, то ли из-за уважения ко всем людям, с которыми работаю, я тогда, во Владикавказе, поклялся, что всегда сам и только сам буду сообщать ребятам свои вот такие обидные для них решения. Я сам должен отвечать за свои поступки! К тому же перекладывание ответственности в выполнении столь незавидной миссии на кого-то другого будет означать проявление слабости. А однажды проявив ее в малом, когда-нибудь обязательно проявишь и в чем-то более существенном. Падение ведь всегда начинается с мелочей, с ненадежно завязанного шнурка, например. И об этом необходимо помнить постоянно.

* * *

Фортуна любит людей твердой воли. Моя жесткость, хотя я бы подыскал другое слово, была неоднократно вознаграждена. Свой же первый тренерский триумф, по совместительству один из самых ощутимых для себя, познал в 1990 году, когда мало того что выиграл первую союзную лигу, так еще и был признан лучшим тренером СССР. И это при живом-то Лобановском! Вот в тот период я и состоялся, окончательно поняв свое призвание. И, что важно, у меня появился повод оглянуться назад и некоторые моменты для себя заново

¹ Город Орджоникидзе переименован во Владикавказ в 1990 году.

открыть. Я отмотал пленку хронологии событий на два года и содрогнулся: а ведь всего этого могло бы не быть!

...Зимой 1989-го мой предшественник Олег Романцев покинул Осетию и уехал в Москву, в «Спартак». Команда наполовину разбежалась. Когда в феврале я откликнулся на предложение земляков и собрал народ на тренировку, чуть в обморок не упал. Передо мной стоял отряд ополченцев: 7 полевых игроков и 2 вратаря. Кто-то обут в тапочки, кто-то в кеды, формы ни у кого нет. Ну, в лучшем случае, заводская секция! Когда я пришел домой, мне плакать хотелось. Я привык в «Динамо» к другим условиям, у меня амбиции, у меня желание доказать, а тут откровенная западня. Без малейших шансов на выживание! Я ночь не спал и под утро надумал в это болото не соваться – ну не имел права нормальный человек влезать в такую авантюру и обрекать себя на бессмысленные мучения. Я даже нашел слова, которые должен был донести до руководства, чтобы никого не обидеть: у меня дети, семья в Москве, нам друг без друга будет тяжело. И вот я настроился, начистился и нагладился и уже взялся за ручку двери, дабы отправиться на столь непростой разговор, как зазвонил телефон. И один из игроков, которого я успел пригласить в Орджоникидзе еще до своего знакомства с клубом, откликнулся: Валерий Георгиевич, я согласен. К сожалению, я уже позабыл, что это был за футболист, но его звонок придал мне мужества. Потом еще дозвонилось двое ребят. Я почувствовал, что я смогу, успею сколотить коллектив, хотя времени оставалось чуть более месяца. Но прежде чем взяться за дело, я себе поставил условие: для того чтобы начать уважать себя как тренера, я должен вывести Осетию в Высшую лигу. Наметил срок – 2 года. Решил, что, если у меня не получится, покончу с футболом. Навсегда! Уйду в юриспруденцию.

Когда все для себя проговорил, собрал людей и озвучил свою позицию: скоро мы будем выступать в Вышке, потом выйдем в Кубок УЕФА и к нам еще «Бавария» приедет. Надо мной укладкой смеялись и крутили пальцами у виска, но я верил, что сдержу обещание. Единственное, «Бавария» так и не оказалась на нашем стадионе, зато вместо нее это сделали другие именитые гранды.

* * *

Спурт к международной арене начался с того, что мы с Сашей Стельмахом, местным администратором, впоследствии ставшим моим близким другом, полетели в столицу покупать трусы и майки. Из дома я забрал все свои бутсы, чтобы раздать ребятам. Хоть как-то команду приодели и приобули.

Вторым тренером я пригласил Сашу Ирхина, с которым мы близко познакомились в ВШТ. Он вроде бы согласился, но когда посмотрел на мое хозяйство, отказался – заверил, что ему нужно спокойно доучиться и получить диплом. Спустя годы он признался, надо было быть самоубийцей, чтобы влезать в такое болото. Я считаю, он испугался. Я же тогда родился заново.

Нереально передать словами, насколько мне было тяжело! Каждый день – на пределе, на изломе, на грани. Получилось, что меня, как слепого кутенка, бросили на середину озера: выплывешь – герой, утонешь – ну, значит, не судьба. Наверное, это здорово, когда у человека, особенно если он сильный, нет возможности к отступлению. Приходит осознание: все зависит только от тебя! Это помогает мобилизовываться и продираться через обстоятельства. Так на эмоциях, на кураже мы смогли первый круг закончить на шестом месте! Это был подвиг. Но я прекрасно знал, что обольщаться не стоит: главное – не вылететь. Мы выжали из себя все соки и посыпались, в итоге заняв то ли четырнадцатое, то ли шестнадцатое место. Однако по ходу всего второго круга я занимался селекцией, собирал состав на следующий год. Признаюсь, мысль бросить все к чертовой матери возникала у меня неоднократно. Я так

до конца и не мог определиться, покину я «Спартак» или нет. Но я твердо был убежден, что должен вести свою работу с прицелом на будущее – даже если ты уходишь, то ты должен оставить после себя достойное наследство. Явно лучше того, что оставили тебе.

И вот, когда сезон завершился, я все же созрел для ухода. Сил моих больше не было бороться со всеми этими многочисленными проблемами. Ну сколько можно было ощущать себя в роли рыбы, бьющейся об лед? Так я оказался в кабинете у председателя совета министров Северной Осетии Хетагурова Сергея Валентиновича и все ему как на духу выложил. Он выслушал, а потом сказал: «Валерий, ты что, хочешь с позором уехать? Как ты потом будешь с этим жить? Не спеши. За год трудно добиться успеха. Путь наверх гораздо дольше. Продолжай трудиться, я тебе помогу».

В Осетии никаких перспектив не угадывалось, а в других сферах деятельности, в том числе и коммерческой, вариантов были десятки. И один заманчивей другого. Вот я и метался. Но беседа с Хетагуровым все расставила по своим местам. Ко мне пришло понимание того, что нельзя отступать от своих целей. Даже если отказ от них принесет тебе десятикратную выгоду. Потому что отказ от своих целей – это отказ от самого себя. А что до проблем, так они будут всегда и везде. И чем они монументальней, тем ощутимей будет твой успех после того, как ты их преодолеешь.

Так я перестал хандрить, у меня начал зарождаться фантастический кураж, а главное – я стал одержимым. Зацикленным на своем деле. Футбол 24 часа в сутки!

* * *

Я как каторжный работал над собой. Перелопатил сотни книг: по методикам подготовки, биохимии, питанию. Очень старательно изучал психологию. Без этой науки почти нереально создать коллектив, способный побеждать. Команда – такой организм, где все на виду и малейшая фальшь улавливается мгновенно. Как в семье. Сегодня я могу любому своему игроку со стопроцентной точностью дать полную характеристику: эгоист ли он, флегматик, неврастеник, насколько склонен к восприятию информации. Я вижу их всех насквозь и знаю, вот с этим я смогу решать только локальные задачи, а вот с этим – глобальные. Считаю, я с самого начала нащупал нить, связывающую тренера с его подопечными. И, наверное, именно поэтому у моих дружин никогда не было проблем с настроем. И «Спартак» (Орджоникидзе) образца 1990 года был лучшим в первой лиге не только по игре, но и по самоотдаче.

Видимо, уже с тех пор у журналистов стало складываться мнение о том, что Газзаев – большой мастер по накачке игроков. По логике вещей, мне должно быть приятно читать такое, но я всякий раз, наоборот, только завожусь, порой даже смеюсь над подобной некомпетентностью. Я хочу задать вопрос этим людям, как можно выходить на поле и не биться по максимуму? Я никогда никого не накачиваю. Единственное, что я делаю, так это когда приглашаю футболиста в команду, говорю ему: у нас тема настроем не обсуждается, это твоя обязанность – отдавать всего себя делу. Ты за это получаешь деньги. И будь любезен выкладываться на поле так, чтобы, когда ты приходишь в кассу, у тебя не возникало желание опустить глаза.

Наставник работает над тактикой, занимается тренировочным процессом, укреплением психологии, уверенности, но на такую мелочь, как настрой, ему не стоит размениваться. Вышли десять человек, убиваются, жилы рвут, а одиннадцатый дурака валяет. Это сразу надо выжигать каленым железом!

Если у футболиста ничего не получается, мяч из ног валится, он должен весь отдаваться игре, мешать и своим, и чужим. Он не имеет права забывать о том, что от него зависит общий результат и отношение ко всем нам болельщиков. У моего подопечного самоотдача

может быть только запредельной. И если хотя бы в одном эпизоде он сыграл расхлябанно или где-то недобежал, я его накажу!

* * *

Так вот, после разговора с Хетагуровым я с таким остервенением взялся за комплектование, что не заметил, как пролетел отпуск. Параллельно решал организационные вопросы. И опять мне повезло в том, что в трудный момент рядом оказались надежные люди, такие как Сослан Андиев, двукратный олимпийский чемпион по борьбе, и Руслан Цаликов, министр финансов Осетии, а позднее заместитель министра МЧС России. Сообща нам удалось разжечь интерес к большому футболу, сделать так, что клубу стали помогать, относиться к нему как к главной гордости республики.

На заключительной стадии подготовки к новому сезону мы обыграли «Динамо» (Тбилиси) – 3:2. Для становления «Спартак» это была очень важная победа. Уже тогда подумалось, что мы можем побороться если уж не за путевку в высшую лигу, то за место в пятерке точно. И стартовые матчи первенства, пусть они и закончились для нас неудачно, только укрепили мои предположения – у нас угадывался огромный потенциал.

Самое сложное в тренерской деятельности – это держать команду на протяжении всего сезона в оптимальном игровом, психологическом и функциональном состоянии. Травмы, карточки, настроение, результат – все это на тебя давит титаническим грузом. И без потерь не обойтись. Но для того, чтобы уметь с трудностями справляться, тебе необходим опыт. А где его взять в 35 лет? И ошибаться было нельзя. Я сам себе напоминал сапера, работающего в кромешной темноте. И когда преодолел это минное поле и не подорвался, ощутил прилив уверенности. Потрясающее состояние! Ни с чем не сравнимое! Я знал, что воспоминания о нем сохраню на всю жизнь.

Сейчас, с позиции возраста и опыта, безусловно, понимаю, что были у меня и просчеты. Но я должен был их совершить. Обязан! Мне нужно было выжимать максимум из той ситуации, и я его выжимал, даже делая что-то порой вопреки здравому смыслу, вопреки логике. Да, я был не прав, но все равно считаю, что был прав. Вот такой парадокс. Тренер, если колеблется, совершает преступление. Только вперед! Если не будешь держать свою линию, ты обречен. Пускай она с изъятиями, но без нее не обойтись!

* * *

В тот же мой владикавказский период произошел эпизод, в котором я откровенно не разобрался и допустил ошибку. Я ее признал. Только вот исключительно внутри себя. Мы пропустили гол, и я после матча очень жесткие претензии предъявил одному из наших лидеров. Он же занял твердую позицию: я не виноват. Я разошелся не на шутку, сказал, что сейчас на видео я тебе все покажу и ты убедишься в своем заблуждении. Но когда я включил запись, то понял, что заблуждался-то как раз я. Парень и впрямь не виноват, он был в момент паса дальше своего партнера и отвечал за совсем другого оппонента. Но я не мог официально с этим согласиться. Я должен был стоять на своем и всеми правдами и неправдами доказывать верность своих суждений. Надо было самоутверждаться в коллективе, зарождал у исполнителей абсолютную веру в их тренера, в его талант, в его знание того, что нужно делать. И я в конечном итоге продал команду, всем дал понять, кто в доме хозяин. Какой оценки заслуживает тот мой поступок – второй вопрос. Результат наводит на мысль, что мне не в чем себя упрекнуть.

В целом же я достаточно быстро определился с тем, как вести себя с игроками. И как строить эти отношения.

Первое – объективность. Безусловно, симпатии всегда присутствуют. Плюс аура, авторитет того или иного футболиста тоже оказывает на тебя воздействие. Вдобавок возникают ситуации наподобие той, что я описал выше. Но ты всегда должен держаться с достоинством. Не припомню случая, чтобы возникающие трения каким-то образом повлияли на определение мной стартового состава.

Второе – честность. Никогда, ни при каких обстоятельствах не позволяй себе обманывать тех, с кем ты в одной упряжке, и давать им обещания, которые не сможешь выполнить. Иначе ты просто подорвешь у подчиненных доверие к себе как к их руководителю. Ты дашь повод думать о себе как о слабом и необязательном человеке.

Ну и, конечно, всегда необходимо помнить великую фразу об «убийстве» тренером в себе игрока. На свое счастье, я принял ее за истину сразу же, как только перешел «на другую сторону баррикад». Опыт игрока, безусловно, должен у тебя иметься, ты обязан уметь им пользоваться, но ни в коем случае нельзя делать его приоритетом в своей работе. Если же ты будешь требовать от своих подопечных выполнять на поле то, на что был способен сам, то обречешь себя на провал.

Высказывания разных лет

Сослан Андиев, олимпийский чемпион по вольной борьбе, председатель комитета по физической культуре и спорту Республики Северная Осетия:

«В 1989 году в течение одной и той же недели Валерия назначили главным тренером «Спартака», а меня – председателем Спорткомитета республики. Мы решили помогать друг другу, задумали бороться только за первое место в любом турнире. И уже на второй год своей работы Валера подготовил команду так, что она стала победителем в первой лиге.

Редко можно встретить человека, настолько преданного своему делу, как Валерий Газзаев. Являясь максималистом по натуре, он везде и во всем ставит запредельные задачи, заставляя при этом работать в бешеном ритме всех, кто его окружает. Я где-то даже по-доброму завидовал ему от того, что у самого в характере не хватает подобных качеств.

Многим, например, казалось, что та или иная цель для нас недостижима, бывало, он один видел ее в начале пути, но не переставал упорствовать, заводил, зажигал всех остальных.

С Газзаевым было легко еще и потому, что ему нужно только помогать, он – лидер.

...В те первые годы работы Валерия в нашем «Спартаке» мы, находясь на выезде, жили с ним вместе в одном номере. Я присутствовал на его установках на матчи, перед глазами все время маячил макет поля, и в конце концов меня, как человека спортивного, тоже незаметно захватили эти футбольные схемы, чертежи... Тактикой футбола пропитался настолько, что дошло до курьеза.

Однажды спим мы перед очередным матчем, и мне снится футбольное поле, я – в роли форварда. Идет передача, бегу замыкать ее к дальней штанге, ловлю мяч на ногу, бью!.. попадаю ногой в батарею отопления, она сваливается с кронштейнов, кровать подо мной рушится, грохочу на пол и... еще как следует не проснувшись, во сне хватаюсь за голову: не забил, а момент-то стопроцентный был...»

Ахсарбек Галазов, президент республики Северная Осетия-Алания, 1994–1998 годы:

«Валерий Газзаев оказался не только Тренером с большой буквы, но и превосходным организатором, агитатором и пропагандистом. Он сумел зажечь всех нас футболом, многих заставил поработать на свою идею создания во Владикавказе команды – чемпиона России и преуспел в этом. По своему отношению к футболу Осетия давно заслуживала чемпионского звания. Нужен был лишь человек, который отыскал бы для нашей команды путь к нему. Впервые познакомившись с программой Валерия Газзаева после его возвращения во Владикавказ, я сразу понял, что такой человек наконец найден».

Александр Стельмах, администратор «Спартака-Алании» конца 80-х – начала 90-х годов:

«Играя в Орджоникидзе, никогда даже не смел представить, что смогу увидеть чемпионство родного клуба. Но судьба подарила мне возможность быть администратором команды, которую впоследствии возглавил Газзаев. Помню свое изумление и удивление, когда при знакомстве с коллективом Валерий Георгиевич сказал: мы займем первое место и выйдем в Высшую лигу чемпионата СССР. Это казалось чем-то нереальным. Но чудо, в которое невозможно было поверить, свершилось. Затем происходили новые «чудеса». Когда Владикавказ завоевал золотые медали чемпионата России, казалось, что большего счастья просто быть не может. Это было даже больше, чем я мечтал когда-то. И,

конечно, это великая удача быть частью того коллектива, видеть изнутри талант Валерия Георгиевича и ощущать себя причастным к той грандиозной победе».

Инал Джиоев, капитан «Спартака-Алании» 90-х годов:

«Георгиевич взял меня в команду через год после того, как ее возглавил. Он сам приехал в конце 1989-го в Цхинвал, когда уже начиналась война, забрал нас с Бахвой Тедеевым оттуда, и уже вместе мы вышли в Высшую лигу. Я очень хотел познакомиться с Газзаевым, ведь это один из самых знаменитых осетин и одна из величайших личностей среди тогдашних футболистов. Когда мы были детьми, для нас были два великих футболиста – Газзаев и Гуцаев. Вся Осетия за них болела. Перед встречей с Валерием Георгиевичем я, конечно, волновался, но в первую очередь это было очень почетно – познакомиться с таким именитым футболистом, тем более земляком. Счастлив, что судьба свела меня с этим человеком. Он многому меня научил. Он поднял футбол в Осетии до заоблачных высот. Его каждый знал, на руках носили. И мы – игроки никогда ту нашу «Аланию» не забудем.

Газзаев сделал так, что мы жили как одна семья. О воспитании могу рассказать вот что. Когда я уже был капитаном, всем в команде делались какие-то поблажки. Всем, но не мне. Кто-то мог пропустить выезд из-за болезни, я же ехал всегда – травмированный, дисквалифицированный... Меня это злило, я не понимал, в чем дело. И вот Газзаев как-то посадил меня и сказал: «Только с тобой так: когда я на тебя наезжаю, когда повышаю голос – все остальные это видят, и они уже себе ничего не позволяют».

Однажды, когда мы поехали на товарищескую игру и у нас полкоманды заболело, он сам себя поставил в нападение. Мы с ребятами стали все время давать ему пасы на ход. Специально – снова и снова. Рывок за рывком! Загоняли его совсем, он в итоге устал и давай на нас ругаться. А на следующий день погонял нас как следует. Шутить с Георгиевичем надо очень аккуратно.

Когда Газзаев в 1991-м уходил в «Динамо», я даже плакал. Плакал и со злобой говорил: «Как вы нас оставляете?!» Ему стало не по себе. Он точно помнит это, перед всей командой у меня слезы полились.

И тем не менее я всегда потом симпатизировал командам, в которых Георгич работал. За него переживал».

Глава 5

Если бы не посадили президента «Фоджи»...

Для тренера очень важно то, чтобы его уверенность в себе никогда не ослабевала. В идеале же она должна расти, с каждым новым этапом подниматься на ступеньку выше – и так до бесконечности. Я после завоевания путевки в Высшую лигу был уверен в себе необычайно, и мне казалось, что в этом плане прибавлять уже некуда. Естественно, я жутко заблуждался. В человеке скрыты такие ресурсы, о которых он порой и не подозревает. Вот и я не подозревал. Озарение пришло в 1995-м, когда я впервые стал чемпионом страны, подарив Осетии грандиозный праздник. И опять-таки я должен сказать «спасибо» Господу Богу за то, что он разыграл со мной столь замысловатую комбинацию и внес коррективы в мои планы. Я ведь не думал не гадал, что повторно возглавлю «Аланию». К тому моменту я грезил заграницей. После того как в 1992 году «Динамо» под моим руководством выбило из Кубка УЕФА «Торино», я почувствовал, что способен проявить себя на Апеннинах. А тут в довершение всего на меня вышел президент «Фоджи» и даже прилетел в Москву для ведения переговоров. По окончании сезона команду покидал Зденек Земан, и мне предлагалось занять его место. Мне сказали, что Шалимов перейдет в «Интер», Синьори – еще куда-то. На остальных же я вправе рассчитывать, и уже сейчас мне готовы выдать полномочия на комплектование состава. Я для себя все решил и принялся за изучение итальянского языка. В марте мы подписали предварительный контракт, который вступал в действие 1 июля. Мне привезли пять видеокассет (они и теперь у меня хранятся): записи матчей «Фоджи» с «Миланом», «Интером», «Ювентусом». Я до сих пор помню многие фрагменты тех баталий – настолько основательно все изучил. В общем, я уже видел себя в ведущей лиге мира. По ночам его грезил. Потому что Италия с точки зрения тактики, развития инфраструктуры, подбора исполнителей – футбольная держава № 1. Там как нигде велика роль тренера. То есть перспективы реализоваться, проверить себя, обогатить свой опыт там колоссальные.

Представьте, каково было мое разочарование, когда в мае президента клуба посадили за решетку и все наши договоренности, разумеется, аннулировались. Потрясение мощнейшее! Я трое суток приходил в себя. Это были поистине тяжелейшие, мучительные дни. Но в конце концов я совладал с собой и сосредоточился на «Динамо». По-настоящему! Отбывать номер я не умею. Считаю, все в том году у нас шло успешно, мы находились на втором месте и не теряли надежды на финише вырваться вперед. Однако потом был памятный разгром от «Айнтрахта» и мой стремительный уход в никуда.

Опять последовало переосмысление, я долго и основательно копался в себе, пока не утвердился во мнении, что в российском футболе меня ничто не держит. Как мастера восточных единоборств стремились в свое время попасть в Шаолиньский монастырь для совершенствования своего искусства, так и я должен был пробиться в Италию. Я повторно засел за словари, возобновил кое-какие зарубежные контакты и даже попал в поле зрения руководителей нескольких средних клубов. И в этот самый момент от имени Сергея Валентиновича Хетагурова позвонил Батраз Битаров и предложил мне вернуться во Владикавказ.

Примерно месяц я засыпал и просыпался, ища ответ на вопрос: как быть? Ситуация усложнялась тем, что вскоре в Осетии намечались выборы, и к власти могли ступить совсем другие люди, которым не то что до Газзаева, но, казалось, и до спорта никакого дела не будет.

Сейчас уже точно и не скажу, почему я все-таки согласился. Наверное, я чувствовал себя обязанным Хетагурову, я никогда не забывал, что именно его слова удержали меня в футболе. Приехав во Владикавказ, я всячески поддерживал Сергея Валентиновича в политической гонке, тем не менее этого оказалось недостаточно, и на выборах победил Галазов.

Полагаю, 99 человек из 100 на месте новоиспеченного президента республики указали бы мне на дверь, но Ахсарбек Хаджимурзаевич на следующий день после «восхождения на престол» пригласил меня к себе в кабинет и просто шокировал своей мудростью: «Ты не скрывал и не скрываешь, что ты двумя руками за Сергея Валентиновича. Это лишний раз доказывает, что ты порядочный человек. Вот тебе команда, бери ее и работай. Ты профессионал. Я не сомневаюсь, что у тебя все получится».

* * *

В 1994-м мы заняли пятое место. А вот зимой 1995-го у меня уже на сборах сложилось мнение, что у нас подобрался серьезный коллектив, состоящий из победителей по духу. По тем матчам, которые мы проводили на предсезонных сборах, угадывалась фантастическая перспектива. Однако, и вряд ли нужно это скрывать, я не думал о том, что мы непременно возьмем золото. Цель взобраться не просто на пьедестал, а на самую верхотуру турнирной таблицы появилась лишь 13 мая. В тот день в «Лужниках» мы по всем статьям обыграли действующего многократного чемпиона, «Спартак», и мои ребята поверили в свои силы. После финального свистка в раздевалке произошло какое-то всеобщее озарение. Я посмотрел на своих подопечных и отчетливо понял, что наступил переломный момент. Я сказал команде: «Мы завоюем для Осетии золотые медали. Мы сделаем это во что бы то ни стало!»

С той минуты я уже точно знал, что для достижения успеха нужно не только поставить цель и грамотно ее сформулировать. Эту цель необходимо озвучить в психологически благоприятный период: в подходящее время, в подходящем месте. Цель, она ведь не может просто болтаться в воздухе, ей мало того, чтобы о ней говорили. Она должна ощущаться в каждой клеточке человеческого организма, сидеть в сердце, в печенках, она должна пульсировать в висках. Сомневаюсь, что если бы мы подобную задачу поставили ребятам перед стартом сезона, когда их менталитет еще не дотягивал до истинно победного, все сложилось бы так удачно. Полагаю, груз ответственности закрепостил бы игроков. После победы над красно-белыми такой боязни больше не существовало.

В итоге получилось так, что во Владикавказ мы прилетели уже командой с другим уровнем самовосприятия. Мы были заражены всеобщей идеей. Очень быстро произошло единение с болельщиками. Только и разговоров было о том, что мы станем чемпионами. Внимание всей республики было направлено на нас, и мы уже не имели права подвести. В Осетии начался футбольный бум!

* * *

То, что мы своего достигнем, мне окончательно ясно стало в сентябре. 21 числа во Владикавказ приехал «Спартак». Он уже лишился своего титула, но он всегда дорожил своим именем. Подопечные Олега Романцева мечтали взять реванш и показать всем, какой клуб на самом деле является сильнейшим в стране. В составе москвичей были сплошь звезды и сборники, включая Никифорова, Цымбаларя, Онопко, Аленичева, Тихонова, Юрана, Пятицкого, Кулькова, Хлестова, Мамедова, Черчесова. Попасть на тот матч было настолько же сложно, как на концерт «Битлз». Если бы стадион вмещал сто тысяч человек, безусловно, он был бы забит под завязку. Стадион же вмещал всего 38 тысяч. Но поскольку люди сидели на ступеньках, на коленях друг у друга, то увидеть встречу вживую посчастливилось почти 45 тысячам зрителей. Таким образом, был установлен рекорд посещаемости, который в XX веке в российских первенствах никто перекрыть не сумел.

Я прекрасно помню перипетии того матча, все эпизоды, все единоборства и считаю его лучшим в своей тренерской карьере. Это была потрясающая игра по восприятию, по каче-

ству, по отдаче, это был футбольный спектакль высочайшего уровня. Два пенальти, четыре удаления, множество ударов по воротам. И хоть противостояние закончилось вничью, 1:1, по-моему, все вопросы о чемпионе 1995-го после этого отпали.

* * *

Столько лет прошло, а иной раз где-нибудь услышу или прочту: «вот, «Алания» в тот год побеждала за счет спиртовых рек, огромных деньжищ, лояльности судей», – и сразу же у меня внутри что-то перевернется. Это бред! Могу признать только то, что арбитрам было нелегко работать во Владикавказе – публика горячая, давление трибун жесточайшее.

Что до денег, то годовой бюджет «Спартак-Алании» составлял 1,5% от бюджета республики и равнялся 3,5 миллиона долларов. Деньги неплохие, но по меркам ведущих московских клубов весьма умеренные. Самый высокооплачиваемый игрок получал у нас 2000 долларов в месяц.

Самое обидное заключается в том, что грязные слухи распускали те, кому, казалось бы, следовало радоваться за достижения команды. Исходилили они от нескольких руководителей республики, которые, вот незадача, «по совместительству» являлись оппонентами Галазова. В середине сезона наступил момент, когда ситуация накалилась до предела и я не мог оставаться в стороне. Я подготовился и выступил на заседании правительства. Показал все документы: вот статья доходов, вот статья расходов. Отчитался за каждую копейку. Ну, а потом не сдержался и выпалил все, что думал: «Мы делаем большое дело и тратим на это всего 1,5% из бюджета. Остальные деньги расходуете вы – чиновники. Каким образом – непонятно. Вам выгодно всех собак вешать на футбольный клуб. Вы говорите, что из-за «Алании» бабушки и дедушки не получают пенсию. А в том, что, допустим, в Архангельске или Урюпинске учителя и врачи не видят зарплаты, тоже мы виноваты?»

Тешу себя надеждой, что именно то выступление помогло Галазову погасить волну возмущения. Ахсарбек Хаджимурзаевич – выдающаяся личность и сильный президент. Без него все наверняка сложилось бы по-другому. При нем мы всегда дарили людям радость, и каждая игра была как праздник.

В 1998 году у руля Осетии оказался другой политик, финансирование команды урезали, серьезных целей не ставили и не воспринимали. Я всячески пытался удержать «Аланию» в числе лидеров российского футбола, но в один прекрасный день я сел, отдышался и понял, что без цели жизнь пуста, она не имеет смысла. Я отправился к президенту, предоставил ему программу того, что мы должны сделать. Он со мной не согласился. Я убедился, что ему нет дела до футбола, тратить время впустую я себе позволить не мог и тут же заявил о своей отставке. Впоследствии, несколько лет глядя на то, какими темпами некогда могучий клуб приближается к пропасти, испытывал боль. Да и до сих пор рана полностью так и не зарубцевалась. Все-таки столько труда было вложено, а теперь все это осталось в безвозвратном прошлом. Впрочем, если судить о личных дивидендах, то, как тренеру, мне владикавказский период принес огромную пользу.

* * *

Из «Динамо» столько дивидендов выжать не удалось. Хотя, бесспорно, оба моих возвращения в любимую вотчину не прошли для меня бесследно. Самое любопытное, что возможность возглавить «Динамо» у меня была еще в 1987 году. Малофеев, как я и ожидал, провалился, и ему искали замену. Наши с Бышовцем кандидатуры рассматривались в первую очередь. Если бы в том положении я проявил активность, то, допускаю, стал бы самым молодым главным тренером в Высшей лиге за всю историю. Но сколь ни велик был соблазн, я

знал, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет – я объективно был тогда не готов к работе с такой махиной. И вместе с тем, я нисколько не сомневался, что «Динамо» от меня никуда не денется. Пройдет несколько лет, и я обязательно встану у его руля. Так оно и произошло в 1991-м. Мне досталось богатое наследство с выдающимися традициями. В моем распоряжении были такие дарования, как Колыванов, Кирьяков, Кобелев, Калитвинцев. С ними нельзя было не ставить серьезные задачи. Хотя, с другой стороны, команда давно пребывала в упадке, она погрязла в распрях и склоках, стала заложницей бесконечной чехарды тренеров и непродуманных решений руководства. Подготовительный период был сорван, психология исполнителей оставляла желать лучшего. В общем, мне опять предстояло засучить рукава, что, как ни парадоксально, только придавало сил. Это был потрясающий период! Тяжелейший! Но я рос как тренер, а ребята росли как игроки. Там, в «Динамо», я приобрел опыт международных встреч, и наши матчи в розыгрыше Кубка УЕФА с «Бенфикой», «Торино» и «Канном», в рядах которого тогда выступал молодой Зидан, стали событием для российского футбола.

* * *

Те годы были особенными и потому, что они выпали на период глубочайшего экономического кризиса. Кругом царила разруха в полном смысле слова. И для того чтобы существовать, мы вынуждены были каждый год продавать в среднем по два ведущих игрока. Жаль было расставаться с суперталантливым Леоненко, которого когда-то я привез из Тюмени. Витю, увы, потом задавило бремя популярности, и сегодня я даже не владею информацией о том, где он находится. Сжималось сердце, когда уезжали Колыванов, Касумов, Цхададзе, Кобелев, Кирьяков.

Сергею было дано очень многое от природы, и то, что он не состоялся как большой форвард, до сих пор вызывает у меня чувство досады. Но тогда я еще не мог предвидеть то, как сложатся у ребят судьбы. Я, хоть и отдавал себе отчет, что с каждой потерей мы становимся слабее, все равно старался радоваться: у хороших футболистов ведь появлялся шанс обеспечить себе будущее. Как бы то ни было, достигать намеченного было все сложнее и сложнее: вместо того чтобы двигаться вперед, приходилось останавливаться и латать дыры. Вдобавок в «Динамо» завелся вредитель, из-за которого без пяти минут мои новобранцы Кечинов, Никифоров и Цымбаларь обосновались в стане злейшего конкурента.

Тем не менее тот опыт позволил мне перейти на следующую стадию тренерского искусства: латание дыр на ходу без серьезного ущерба для результата, что особенно произошло в 1996-м и все в том же 2005-м, когда осенью порой мы оставались и без шести бойцов основного состава.

* * *

Во второй свой приход в «Динамо» в 2000 году я был обречен фактически с самого начала, но до последнего надеялся прорваться.

Когда один из руководителей клуба сделал мне предложение принять команду, мы долго с ним все обговаривали и пришли к выводу, что необходимо будет усиливать. Я представил список игроков, которых следует приобрести (Мандрыкин, Тетрадзе, Яновский, Симутенков). От клуба требовалось лишь выделить необходимые, причем весьма приемлемые средства. А через несколько дней после подписания контракта выяснилось, что у «Динамо» возникли финансовые сложности, и денег, по всей вероятности, ждать не стоит. Я моментально осознал, что рассчитывать придется только на тех ребят, которые есть в наличии. Также мне стало ясно, что при таком положении дел медали никаким боком нам не

светят. Я привык выполнять все обязательства, которые на себя беру. Но я привык, чтобы и передо мной тоже выполняли свои обязательства. Я – человек принципиальный, а потому, когда возникла эта ситуация, я хотел все бросить и прервать всяческие контакты с динамовским начальством. Но я не мог этого сделать. Меня представили болельщикам, я рассказал о том, что мы намереваемся возродить былую славу клуба, а потом – уйти? Это не по-мужски! Надо было попробовать выпутаться. В ходе сезона удалось привлечь нескольких способных футболистов, поставить команде игру – дерзкую, атакующую, размашистую – и влезть в число соискателей наград. На финише моим мальчишкам чуть не хватило силенок и мастерства. В общем-то все было закономерно, чуда не произошло, но я приобрел навыки работы сразу с большим количеством молодежи и не менее важное умение выжимать максимум из своих подопечных. Убежден, в тот сезон каждый из динамовцев использовал свой потенциал по полной программе.

В глубине души я тешил себя надеждой, что к следующему году кадровые проблемы удастся решить, и уж тогда мы всем покажем, что такое настоящее «Динамо». Однако на селекцию клуб изыскал лишь 80000 долларов, на которые мы смогли купить одинокого Хазова. Этот факт говорил о многом! Я четко понял: вместо того чтобы заниматься творчеством и биться за золото, мне предстоит выступать в роли эдакого атланта, держащего на своих плечах огромную бело-голубую машину. Без малейших перспектив развития, продвижения. То есть нужно было рвать на себе жилы не ради чемпионства, а лишь для того, чтобы не уронить команду в пропасть. При этом возникало ощущение, что остальным эти подвиги безразличны. Логичнее всего было бы еще до начала чемпионата подать в отставку. Допускаю, я совершил ошибку, что не сделал это именно тогда. Но, с другой стороны, у меня были обязательства перед игроками, мне важно было ввести их в сезон в нормальной боевой готовности. Считаю, это удалось. Я сделал все, что было в моих силах, и ушел-таки с чистой совестью. Но с горьким осадком. Ушел, когда мое пребывание в «Динамо» стало лишено всякого смысла. Работать для того, чтобы просто получать деньги, – это не по мне.

Нереально творить, когда ты объективно зависишь от других людей и от обстоятельств. Тем не менее человек-созидатель должен уметь извлекать плюсы и из негативных ситуаций. И в этом плане я лучше для себя понял то, как правильно выстраивать отношения с руководством. Я стал более философски и вместе с тем жестче смотреть на взаимодействие сторон в тандеме «президент – тренер».

Высказывания разных лет

Батраз Битаров, генеральный директор ФК «Спартак-Алания» «золотого периода» клуба:

«К тому моменту проработав в футбольном клубе «Спартак» три года, я сумел понять, какой именно тренер нужен нашей команде. Газзаев оказался единственным человеком, удовлетворившим всем требованиям. Во Владикавказе им гордились, его любили, но... до отъезда в Москву. Даже руководство республики ничего не хотело слышать про его кандидатуру. Однако я поставил жесткое условие: если не будет в команде Газзаева, не будет и меня. У меня обостренное чутье на людей. А потом еще почти месяц я убеждал Валерия в том, что все перемелется: мы с тобой можем создать по-настоящему классную команду...

Валера не тот человек, который будет сначала ходить вокруг да около, присматриваться. Он с первых же дней с головой ушел в работу, стал для игроков всем. Я сразу понял, что при таком отношении дело у нас пойдет».

Омари Тетрадзе, игрок сборной России, «Динамо» и «Спартак-Алания» 1990-х годов:

«Роль Валерия Георгиевича Газзаева в моей карьере игрока, в моей жизни вообще, неоценима. Работая под его руководством еще в московском «Динамо», я впервые почувствовал в себе уверенность настоящего футболиста, нашел свое место под футбольным солнцем.

Спустя полтора года после нашего расставания, я ехал работать к Газзаеву в надежде вновь почувствовать себя футболистом, нужным команде, вернуться в сборную и в то же время с настроением, с каким обычно столичный житель смотрит на провинцию. Открывшаяся во Владикавказе действительность меня ошеломила. Такой организации футбольного быта позавидует и столица, все для тебя – стадион, великолепная база, поддержка президента, правительства, всего народа, материальные стимулы, только работай, играй.

А в Валерии Георгиевиче после временной разлуки меня поразила прежде всего какая-то новая уверенность в себе, в работе, в любом своем поступке, во всем его облике, уверенность, которая приходит, наверное, к человеку тогда, когда он уже твердо определил свой путь, свою линию жизни и работы и оттого стал особенно убедителен для окружающих. Но в отношениях с футболистами он не изменился, так же строг в деле и добр, отзывчив, сердечен за пределами футбольного поля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.